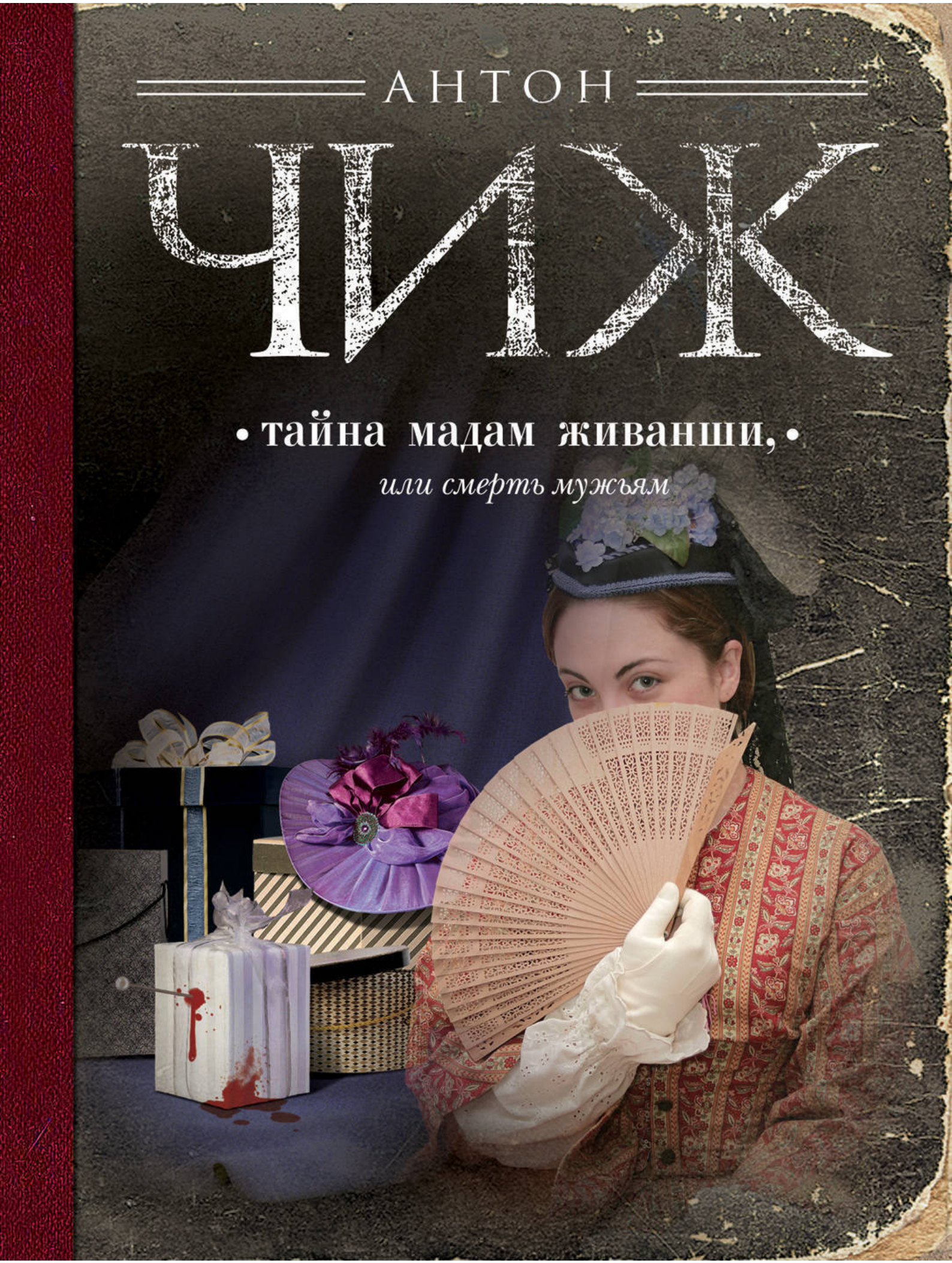
АНТОН

ЧИЖ

• тайна мадам живанши, •

или смерть мужьям



Родион Ванзаров

Антон Чиж

Тайна мадам Живанши, или Смерть мужьям

«Эксмо»
2010

Чиж А.

Тайна мадам Живанши, или Смерть мужьям / А. Чиж — «Эксмо», 2010 — (Родион Ванзаров)

ISBN 978-5-699-80386-6

1895 год. Нет ничего страшнее богатой, скучающей в браке женщины. От скуки она может зачахнуть, а может завести интрижку с мужем лучшей подруги, даже не подозревая о том, что ее супруг тоже изменяет… Круговорот измен мог бы вызвать улыбку, если бы подруги не начали умирать одна за другой: одна отравилась любимыми конфетами, другую закололи острой булавкой в самое сердце… Коллежскому секретарю Ванзарову и харизматичному криминалисту Аполлону Лебедеву предстоит раскрыть заговор смертей в сердце старого Петербурга и в очередной раз понять, что женская натура непредсказуема!

ISBN 978-5-699-80386-6

© Чиж А., 2010
© Эксмо, 2010

Содержание

Хандикап 6
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Антон Чиж
Тайна мадам Живанши, или Смерть мужьям

© Антон Чиж, текст, 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Господа!

Нашими радостями, не имеющими в себе ничего пошлого, нашим близким общением с природой, нашей общей жизнью с дорогой мы основали новое и могущественное единение – франкмасонство открытого воздуха! Благодаря велосипеду, способствующему нашему сближению, когда только мы этого пожелаем, мы научились знать, уважать и любить друг друга, так как велосипед часто служит к устранению предрассудков и грустных недоразумений в наших личных отношениях! Велосипед дал новую формулу братского общения. Вот почему, несмотря на то, что искусство убивать друг друга и пользуется велосипедом наравне с голубем и собакой – символами любви и верности, – я пью за единение народов при помощи велосипеда – символа человеческой свободы!

Тост, произнесенный доктором Филиппом Тисье на митинге велосипедистов в Бордо, 1895 г.

Хандикап

Пока запрягают лошадь, пока нанимают извозчика, пока едут до поезда и ждут его отхода, велосипед под управлением хорошего ездока уже летит по дороге к доктору, в аптеку, в пожарное или полицейское бюро. На велосипеде почти всегда можно достигнуть намеченной цели гораздо скорее, чем при всяком другом способе передвижения.
Современный велосипед: выбор его и применение. 1895, С.-Пб.

1

Нет более терпеливого и неблагодарного жителя во всей Европе, чем обыватель петербургский. Характер его решительно испортила погода. Принужденный сносить морозы, дожди, ветры, наводнения и прочие ненастья, он так приучается отчаянно бранить непогоду во всех ее чудесах, что, когда наконец выглядывает весеннее солнышко, измученный столичный житель не способен расправить крылья души своей и воспарить над серыми буднями. Непременно примется ворчать, что ветер силен или что облаков многовато, а значит, надо тащить на себе зонт, или придумает еще какие-нибудь глупейшие отговорки, чтобы только не радоваться наступившему погодью. Однако и он, напялив теплую шляпу, чего доброго закутавшись шарфом, а может, и нацепив калоши, выбежит на Невский проспект, чтобы, жмурясь, как кот после спячки, прогуляться по нему, наблюдая и разглядывая толпу соплеменников.

И есть на что посмотреть!

Петербургские дамы полагают святым долгом отметить долгожданный погожий денек моднейшим нарядом под изящной шляпкой – и с недовольным мужем под ручку, которого выволакивают на улицу, как медведя из берлоги. В солнечный день Невский расцветает особым восторгом. Сколько проносится взглядов, оценивающих и понимающих, завидующих и восхищенных, заигрывающих и намекающих, так что кажется: океан радости, любви и кокетства изливается из сердец теплой патокой с легким запашком страсти… Так ведь нет! И в этом пире жизни и буйстве моды наш мрачный критик найдет, чем быть недовольным.

В июньский полдень 1895 года причины для недовольства атмосферой выискивать не пришлось бы и завзятому пессимисту. С безоблачного неба солнце палило с такой беспощадностью, что случившуюся жару иначе как «сенегальской» и назвать-то нельзя было. А ведь известно, что пекло в Сенегале страшенное. Их местное население приучено коротать деньки под пальмами, а наш столичный обыватель стараниями Петра Великого пальм лишен напрочь, разве видит их в кадках по ресторанам, да баням, да гостиницам. Так что прятаться ему остается по дачам да квартирам.

В этот час Невский проспект, пыльный и плохо метенный, по обычному старанию дворников, пустел, как картина нерадивого живописца, которому лень пририсовать фигурку-другую. Редко-редко проходила дама в светлом платье, по моде сезона, закрыв лицо белой вуалью; проезжал несчастный извозчик, пропаренный, как самоварный сапог, или пробегали по мелким делишкам служащие контор. Пустынен и раскален Невский в этот час. Да и кому охота, в самом деле, торчать в печке.

Городовой Ендрыкин, заступив на пост на углу Караванной улицы в восемь утра, к нынешнему часу умаялся так, что не мог и ногой пошевелить, хотя ему полагалось для наблюдения порядка делать обход на прилагаемой территории. Белая полотняная рубаха, пропитавшись потом, липла к телу мерзкой змеюкой, портупею оттягивала проклятая шашка, а летняя фуражка грела темечко не хуже ушанки. Ендрыкину было уже глубоко безразлично: шля-

ются ли нищие попрошайки по парадному проспекту, проезжают ли обнаглевшие ломовые извозчики, орудуют ли карманники и цыганки. Выполнять охрану порядка как должно жара никак не позволяла, а проезда высочайших особ, к великому счастью, не предполагалось. А раз так, то и напрягаться нечего. Подперев угол дома, и без того прочный, Ендрыкин мог думать только о кружке холодного кваса или, на худой конец, рюмке водки, хотя по такой жаре какая водка, в самом деле?

Разморенное спокойствие было нарушено отдельными криками скорее восторженного, а не подстрекательского свойства. Приподняв козырек и сощурив осоловевшие очи, Ендрыкин оценил назревавшее происшествие. Неуверенно вертя колесами, по кромке тротуара ехало наимоднейшее чудо техники, последний писк городской моды и проклятье всех городовых – двухколесный велосипед. Управлял рогатым транспортом прилично одетый господин в дорогом костюме, высоких ботинках на шнуровке, гетрах и английском кепи; у мужчины было приятное, чуть задумчивое лицо, украшенное золотым пенсне.

Господин яростно добивался равновесия, но лишь лихорадочно дергал руль и петлял передним колесом, как заяц на травле. Ендрыкин, ненавидевший подобных субъектов, о которых господин градоначальник составил самое отрицательное мнение, вылившееся в строгие правила борьбы с велосипедами силами наружной полиции, сразу понял, что наездник сел в седло недавно и ездить толком не умеет. А проспект – не место для ученических художеств. Немедленно собравшаяся толпа зевак подбадривала велосипедиста разнообразными замечаниями, в которых одобрение болельщиков смешивалось с язвительными издевками над неумехой.

Между тем господин, отчаянно сражаясь с силой тяжести, неудачно вывернул руль, застыл в воздухе, как показалось городовому, и со всей дури приложился об мостовую, успев широко раскинуть руки. Колеса взвились к небесам, толпа наградила трюк хором смешанных возгласов. Далее терпеть нарушение инструкций было невозможно, Ендрыкин оторвал взопревшую спину от теплого кирпича, намереваясь навести порядок.

Но в это мгновение внимание его привлек другой субъект. Был он росту не так чтобы крупного, чуть более двух аршин, одет как приказчик из мелкой лавки и отличался яркорыжими патлами и обширной бородой. Опыт, который городовой копит годами более-менее беспорочной службы, заставил Ендрыкина не отвести взгляд. Что-то показалось неправильным в невзрачном прохожем. Молодой человек носил бороду и усы и как-то уж слишком прямо держал спину, словно боялся уронить хрупкую вещь, и всматривался, не отводя глаз, в толпу вокруг упавшего велосипедиста. Стоял и стоял, не шевелясь, посреди улицы.

И тут от жары или чего другого Ендрыкину вдруг привиделось, что шляпная коробка, которую держал странный прохожий, сама собой дернулась, как живая. Что бы это значило, городовой сообразить не успел, потому что юноша на негнущихся ногах повалился на бок, словно подрубленное дерево, и плашмя со всего размаха ударился головой о булыжники тротуара. Коробка грохнулась рядом. Ни звука боли или разочарования не послышалось.

Обморочного обступили плотным кольцом. Посыпались советы и мнения, чья-то рука коснулась его спины, кто-то нагнулся ниже, чтобы рассмотреть его лицо, кто-то просил принести воды или хоть обдать свежим дуновением. Родились предположения, что у молодого человека обморок от духоты и прилива крови к голове. Появились и мнения насчет его трезвости. Как вдруг шляпная картонка, покойно пребывающая в пыли, резво дернулась и подскочила колобком. Нервные дамы, наказанные за любопытство, заверещали дурными голосами. Толпа отшатнулась.

Вконец осознав, что и на такой жаре пришла пора принимать меры, Ендрыкин засвистел ближайшему напарнику, показывая знаками, чтобы тот занялся велосипедистом, а сам подбежал к лежащему прохожему. Стараясь не смотреть на ожившую коробку, Ендрыкин коснулся шеи потерявшего чувства мужчины, надавил вену и не нашел пульса. Дыхания тоже не было.

Как и признаков жизни. Можно не сомневаться, городовой получил на свою голову самое гадкое, что может случиться на дежурстве, – внезапный труп средь бела дня.

Прикрикнув на зевак, чтоб не толпились, Ендрыкин призвал на помощь городового с ближайшего поста. Требовалось скорее избавить улицу и восприимчивых прохожих от мертвого тела.

Несчастного подняли за ноги и плечи, лицо закрыть было нечем, а загадочную поклажу уместили на животе трупа. Надрываясь от тяжести, Ендрыкин обливался потом и поносил на чем свет стоит негодяя, посмевшего умереть от жары на его участке, но так и не посмел взглянуть на коробку прямо. Все ему казалось, что она живая и шевелится. Не иначе, нечистая сила вселилась. Хотя откуда бы ей взяться на таком пекле.

2

Будь ее воля, Аграфена Прохоровна ни за что носа на улицу не высунула бы. Так и сидела бы перед открытым окошком, обмахиваясь салфеткой да попивая морс. Так ведь упрямая кухарка вечно напутает: вот опять купила вместо муслина дешевейший ситчик. А как из ситца пошить достойное платье для обожаемой доченьки? Разумеется, никак. Закрываясь кружевным зонтиком, который создавал лишь иллюзию тени, мещанка и домовладелица Степанчикова, дама пышных форм и обширного сердца, покинула прохладный уголок и, только ступив на мостовую, излила все проклятья на голову глупой кухарки. Страдая от каждого шага, она кое-как добралась до Мучного переулка, где жара стала совершенно нестерпима.

Достав фуляровый платочек, Аграфена Прохоровна принялась обильно обмахиваться и наблюдать по сторонам. В открытом окошке она приметила чиновника, усердно трудившегося над бумагами. Материнское сердце, даже измученное непогодой, сразу отметило молодого человека. Был он коренаст, крепок в плечах и чисто выбрит. Выражение лица имел строгое, но без заносчивости, черты хоть и крупноватые, но не портившие общий молодцеватый вид. И вообще казалось, что юноша умен и солиден не по годам. От такого зятя мадам Степанчикова не отказалась бы. Сразу видно – человек надежный, солидный и старательный: и семью прокормит, и карьеру сделает, и жену любить будет, а уж тещу – тем более, куда ему деваться. Аграфена Прохоровна стала оглядывать здание, в котором обитает этакое сокровище, и, к досаде своей, определила: всего-навсего полицейский участок Казанской части. Достоинства возможного зятя резко поблекли в глазах домовладелицы, она вздохнула о своем, то есть о непристроенной доченьке, и направилась в лавку за материей.

А «сокровище» в окошке не подозревало, что его так быстро оценили и забраковали на предмет пригодности к семейному счастью. Не заметил он не от отсутствия природной смекалки или наблюдательности, которых было предостаточно, а по заурядной причине огромной занятости: чиновник сосредоточенно писал в бумагах. Любопытный посетитель участка, да хоть мы с вами, не посмел бы прервать столь важное занятие без существенного повода. Но если бы нам хватило смелости заглянуть занятому чиновнику через плечо, то обнаружили бы, что на листке писчей бумаги равномерно появлялись чернильные кружки и тут же зачеркивались крест-накрест. Таким нехитрым способом молодой человек не столько изображал усердие, сколько выпускал пар тихого бешенства.

Вот уже две недели, как отбывал он ненавистную каторгу в этом участке… Ах да! Неприлично все же говорить о ком-то в абстрактном роде, не представив личную характеристику. Молодой человек был молод, ему не исполнилось еще и двадцати трех лет, что не помешало иметь уже чин десятого класса, то есть – коллежского секретаря. Происходил он из не очень богатой, но достойной фамилии, предок которой перебрался в Россию в конце восемнадцатого века из Баварии, был самых широких взглядов, в результате чего, а также трех поколений дедов и бабок в юноше оказалось намешено разнообразие кровей, что обычно дает незауряд-

ные умственные способности. Фамилию юноша носил благозвучную, но редкую – Ванзаров, а крещен был Родионом. Отец его состоял на государственной службе по Министерству просвещения и не видел иного пути для своего младшего отпрыска, как последовать своему примеру. Так что Родион, окончив гимназию с отличием на два года раньше сверстников, отправился в Петербургский университет.

Короче говоря, знакомьтесь: Ванзаров, добрый мой приятель, родился на брегах Невы… Позвольте, где-то это уже было?.. Ну и ладно… Вернемся к Родиону.

К моменту окончания классической кафедры все профессора разве что не на коленях молились на молодое дарование, с трепетом восторга ожидая его академическую карьеру. И тут Родион выкинул фокус: лучший студент и надежда всей классической словесности, вместо того чтобы и дальше ломать зубы о гранит древности, взял и подал прошение в министерство. Ну еще бы в Министерство просвещения или уделов, так ведь нет! Паршивец подался служить в презираемое всеми культурными людьми Министерство внутренних дел. Ладно бы еще в канцелярию, так ведь сунулся в самое адское пекло, клоаку и оплот деспотизма – в Департамент полиции! Этого профессура простить не смогла, а потому навсегда вычеркнула Родиона из своих сердец.

Проклятие ученых мужей не помешало быстрой карьере Ванзарова. Он стремительно получил губернского секретаря, а затем – и коллежского. Впереди уже маячил титулярный советник. Усердного и толкового юношу приметил начальник департамента генерал-майор Петров и оказал ему должное покровительство. Но и здесь Родиону не сиделось на месте, он подал прошение о переводе… в сыскную полицию. Удивленный благодетель на всякий случай спросил: понимает ли юноша, куда суется. На что получил твердый ответ: дескать, хочет заниматься живым делом, а не бумагами. Начальник вздохнул и выписал предписание командировать его в качестве чиновника для особых поручений.

С драгоценной бумагой Родион явился к начальнику сыскной полиции статскому советнику Вощинину. Платон Сергеевич не имел и десятой доли таланта своего выдающегося предшественника – великого Путилина, но смекнул, что от юнца спокойной жизни не жди, станет совать нос куда не следует, а потому быстро спровадил Ванзарова с глаз долой прикомандированным чиновником от сыскной полиции в 4-й участок Казанской части. И благополучно о нем забыл.

Горя желанием служить закону и истине, Родион явился с рекомендательными бумагами к участковому приставу Вершинину-Гаку. Увидав столь резвую птицу, подполковник слегка струхнул. И не потому, что в его ведомстве были особые нарушения: так, по мелочи, кормился чем мог, как и все. А потому, что человек новый, будет лезть в разные делишки, чего доброго, вопросы задавать, и как себя поведет – кто его знает. Может, и вовсе все это прикрытие: новичок направлен с секретной проверкой или, еще хуже, – ревизией, которую устраивает тайный недоброжелатель пристава. В общем, Савелий Игнатьевич решил от греха подальше нагрузить молодчика работой по самые уши. Чтобы некогда было любопытничать.

И с этого момента Родион хлебнул по полной.

На него спихивали любую бытовую мелочь, какой даже в тихом центральном участке столицы предостаточно. Юный чиновник полиции был вынужден разбираться с кражей белья во дворе, с семейными скандалами, с пьяной дракой половых, с мелкой кражей в москательной лавке и подобными интереснейшими событиями.

А разве о таком он мечтал? Конечно, нет.

Родион стремился в сыскную полицию, чтобы разгадывать сложнейшие загадки, чтобы ловить и выводить на чистую воду хитроумных преступников, чтобы раскрывать мрачные тайны и за всякой подобной романтической чушью. Короче говоря, чтобы воплотить мечту, которая тайно прорастала под фолиантами греческих и римских философов: стать сыщиком не менее знаменитым, чем английские, французские или немецкие образцы.

Столкнувшись с реальной жизнью, юный Ванзаров искренне растерялся. Он готовился бороться с умными и сильными противниками, а пришлось иметь дело с пьяной голытьбой. Карьера великого сыщика, каким сам он считал себя в тайных глубинах души, столкнулась с непробиваемой стеной заурядной жизни. А ведь какие удивительные системы раскрытия преступлений бродили у него в мозгу, так бродили, что чуть не закипели! Какие новейшие приемы сыска и разоблачения он выдумывал. А где их применять? Ведь не на краже же белья!

Через две недели такой пытки Родион затосковал ужасно. Сидя у распахнутого окна, что ничуть не освежало, он перебирал мрачные мысли, которые могут родиться только в юном возрасте, и не исключал даже бросить службу навсегда. Не получалось из него великого сыщика, имя которого прогремело бы по всей России и отголосками оглушило бы Европу. А еще коллеги по участку, завидуя и побаиваясь, отгородились холодным забором любезности, называя его исключительно по имени-отчеству, но за глаза насмехаясь и при любой возможности стараясь делать мелкие пакости, до которых чиновники большие мастера. Было от чего прийти в уныние.

Родион Георгиевич выписал очередной кружок, решительно зачеркнул его и посмотрел во двор участка. Старший городовой Семенов, ростом превосходивший гвардейских кирасир, разделся по пояс, перекрестился и сунул голову в бочку гнилой воды, сберегаемую для пожара. Но руки соскользнули, и богатырь нырнул до дна, так что остались торчать сапоги. Поняв, что попал в западню, городовой стал яростно сучить ножищами, пытаясь вырваться. Но только зря сотрясал горячий воздух. Того и гляди, утонет в бочке. Ванзаров уже приподнялся, чтобы бежать на выручку, как вдруг Семенов дернулся изо всей силы, бочка качнулась и завалилась, как раз так, чтобы сапожищи утопленника нащупали землю. Мужик восстал во всю стать, низвергая водопад на засохший камень, скинул капкан и отфыркался не хуже лошади.

Все этому народу нипочем.

Коллежского секретаря объяла тоска смертная. Так что не заметил, как в участок внесли что-то тяжелое, как поволокли куда-то вглубь, как городовые вылакали графин воды и убрались восвояси. Ванзаров очнулся, когда над ним склонилось улыбчивое лицо коллежского регистратора Матько – господина маленького роста с большой проплешиной на голове.

– Пострадавшего с Невского доставили, – дружелюбным тоном сообщил он. – Так господин пристав распорядились, чтобы вы, Родион Георгиевич, самолично занялись. Так сказать, передал пальму первенства. Вы же у нас для особых поручений, так сказать…

Чиновник подмигнул со значением и удалился, довольный мелкой пакостью.

Ванзаров сдержанно поблагодарил, нарисовал очередной кружок и вдавил стальное перо в стол так, что писчая головка издала жалобный треск.

3

В каждом полицейском участке столицы имеется комнатка, в которой перевязывают раны, полученные в уличных происшествиях, смазывают зеленкой ушибы, при нужде могут вытащить занозу или остановить кровь, помочь потерявшим сознание от солнечного удара или обморожения, а уж на самый крайний случай – сделать укол или вынуть кость из горла. Причем не только у господ полицейских. В медицинской комнате участка позволялось оказывать помощь всем несчастным, кто пострадал вне дома и не было средств или сил добраться до ближайшего частного врача или больницы. Лечили здесь плохо, но бесплатно, что иногда спасало жизнь.

Доставленному телу помощь не требовалась. Оно лежало тихо и мирно на хирургическом столе. Рыжая бородища топорщилась, огненные патлы торчали как иглы, а на живот кто-то водрузил громоздкую коробку из-под дамской шляпы. Только она и заслуживала внимания: обтянутая блестящим атласом в голубую полоску, сверкала, как дорогая шкатулка, скрываю-

щая еще более дорогую игрушку для украшения дамской головки и возбуждения зависти каждой, кто не может позволить себе подобную красу.

Ни протокола, ни рапорта городового при теле не имелось. Еще неделю назад Ванзаров устроил бы строгий разнос за служебное небрежение, но теперь ему было все равно. Опять сбагрили примитивнейшее дело, даже не преступление, а уличное несчастье: ну умер человек от сердечного приступа или апоплексического удара, что тут делать талантливому сыщику, пардон, конечно. Писанины на полдня, а раскрывать нечего. Все ясно: определить личность да сообщить родственникам. Нечего сказать – хороша таинственная загадка.

Как бы соглашаясь с мрачными мыслями Ванзарова, шляпная коробка легонько кивнула. Вернее, наклонилась сама собой и замерла в скромном спокойствии. Покойник ничего подобного позволить себе не мог. Значит, внутри что-то скрывалось.

Оживленный любопытным обстоятельством, Родион поднял картонку за шелковые ленты, служившие ручками. Судя по весу, там находилось что-то более тяжелое, чем шляпка. И что забавно: в крышке проделаны еле заметные аккуратные дырочки, словно для вентиляции. Развязав пустячный узел, будущий великий сыщик медленно приподнял крышку.

От резкого перехода между тьмой и светом крыса зажмурилась, но тут же выкатила бусинки глаз, принюхалась и осмотрелась, подавшись на задние лапки. На нее уставился полноватый человек в темном костюме, от которого аппетитно пахло мылом, со всех сторон доносились запахи, которых она не знала, были они неприятные, но неопасные. Крыса поняла, что после мук заточения и невидимых ударов попала в какое-то новое, интересное место, а потому надо прилично выглядеть. Она протерла мордочку, оправила шерстку и, как могла, по-крысиному, выразила удовольствие от столь приятного знакомства.

Ванзаров не страдал глупыми фобиями и не боялся пауков, мышей или тараканов. К тому же зверек выглядел на редкость воспитанным. Крыса была крупной, чуть менее вершка, считая с хвостом, упитанной и холеной, по виду добродушной, явно не из подвала, скорее всего, домашняя живность любителя грызунов. Хорошее воспитание или дрессировка читались на умной мордочке.

Не зная, как обращаться к подобным существам, Родион машинально пробормотал:

– Кис-кис-кис…

Крыса благосклонно приняла знак внимания, повертела хвостиком и, кажется, кивнула, во всяком случае, так показалось. Покидать обжитое днище коробки она явно не торопилась. Чтобы продолжить знакомство, Родион предложил сухое печенье, изъятое из вазочки участкового доктора. Гостинец был принят благосклонно, острые зубки впились в тесто, усишки двигались в такт зубам. Животное хрустело с аппетитом, но соблюдая приличия. Наблюдая за трапезой, Ванзаров внезапно обнаружил, что какое-то радостное чувство, даже безотчетное предчувствие таинственного, необычного дела, которого так ждал и желал, зашевелилось в душе.

– Это что такое? – спросили у него за спиной.

Участковый доктор Синельников, высохший субъект с безнадежно пропитыми глазами, уставился на лежащее тело с брезгливой миной.

– Здесь вам не морг, чтобы всякой падали валяться. Кто позволил? Вы, молодой человек, похозяйничали? Так извольте убрать эту дрянь. Не хватало, чтоб еще провонял.

– Это не дрянь, а человек, – сказал Ванзаров и добавил: – Хоть и мертвый. А кто принес – спросите у дежурного. Даже протокола не составили.

– Человек, не человек, какая разница. Труп – значит, в морг. А это что такое? – Синельников хищно уставился на крысу.

– Она была в коробке. С умершим.

– До чего дошло! В шляпных коробках крыс таскают! Народ от жары совсем умом помутился. Ладно, дайте-ка мне сюда. Вколю ей спирту, давно хотел узнать, что будет.

Крыса поняла, что люди говорят о ней, и перестала жевать. Худой человек в белом халате ей сильно не понравился: от него пахло смертью и перегаром. Она сжалась и постаралась укрыться под защиту полного и добродушного.

Ванзаров решительно загородил живность:

– Даже не думайте. Это – важная улика. Возможно, совершено преступление. Возможно, убийство.

Синельников презрительно хмыкнул:

– Какая улика, какое убийство, молодой человек! Простите, что обращаюсь к вам так, вы у нас птица важная, министерская. Уж позвольте по-стариковски разъяснить: никакого тут преступления. Шел человек по улице, упал и умер. Вот и вся история. Небось сердце отказало. Мало ли по жаре дохнет. Климат у нас для жизни неподходящий. То ли дело Париж. Одним словом – в морг.

Быть может, иной коллежский секретарь послушался бы мудрого внушения и отправился гонять чаи, но Родион Георгиевич обладал одним качеством, вредным в семейной жизни, но бесценным в сыске, а именно: непрошибаемым упрямством. Баран, упершийся в новые ворота, показался бы послушным агнцем на фоне упрямства, дарованного от природы этому юноше. А потому Ванзаров потребовал не мешать ему проводить первичный досмотр тела и вообще чтобы доктор посторонился. И сам приблизился к трупу. Он еще испытывал мелкие покалывания страха перед мертвецами, не до конца ушедшие после краткой полицейской службы, но под враждебным взглядом Синельникова не мог позволить себе слабость.

Родион внимательно осмотрел ссадину, оставленную на лице трупа во время его падения, изучил одежду, показавшуюся несколько великоватой и не по росту, словно с чужого плеча, особо внимательно осмотрел пальцы, не упустил запыленные ботинки и еще раз повертел крышку от шляпного короба. Кое-что любопытное обнаружилось, но для раскрытия тайны смерти явно недостаточно. И тогда Ванзаров распахнул полы сюртука несчастной жертвы. Но фоне яркой жилетки из перкаля маленькую странность можно было и не заметить, то есть упустить навсегда. Но как только Родион разглядел, что находится перед ним, сразу обратился к доктору:

– Прошу немедленно вызвать криминалиста из департамента.

Облизав ложку из-под варенья, Синельников спросил с равнодушной издевкой:

– Зачем вам? На несчастные случаи они не ездят. Только зря человека беспокоить.

– Это не несчастный случай. Это убийство.

– Таинственное и загадочное? – уточнил доктор.

– А уж это позвольте мне решать! – грозно, как ему показалось, ответил Ванзаров.

Нагло хохотнув и выразив в междометиях все, что думает о сумасбродном юнце, Синельников отправился телефонировать в Департамент полиции. А Родион с радостным трепетом охотника, поймавшего удачу, приступил к телу.

4

Губернский секретарь Редер, отгородившись томом всеобщего Уложения наказаний Российской империи, был занят чрезвычайно важным делом, а именно: делил на четыре кучки замусоленные купюры, которые случайно забыл в папке на его столе купец Нифонтов, державший на территории участка лавку колониальных товаров. Купец был энергичным, а потому мешал дорогие сорта чая с дешевыми в пропорции один к трем и не брезговал добавлять крошеного сена. Чтобы полиция не вмешивалась в процветание торговли, требовалось не часто, но раз в месяц забывать на столе некоторую сумму, которую в этот раз выпало делить Редеру. Напарники старательно не смотрели в его сторону, но готовы были в любую секунду прикрыть товарища и свои доли. Участь четвертой, самой толстой кучки, была всем известна.

Решительно хлопнула дверь. Таким образом входить в полицию позволяется далеко не всем, а если откровенно – только вышестоящему начальству. Три чиновничьих головы как по команде повернулись на шум. Вместо ужасного явления вышестоящих лиц они стали свидетелями истинного чуда. В приемном отделении участка возникло существо, которое не часто увидишь среди обшарпанных лавок и неисчезаемого запаха заношенных портянок. И хоть окна были распахнуты настежь, чиновникам показалось, что стало светлее – такая красота предстала перед ними. Действительно, пришедшая дама отличалась изысканной красотой. Не меньшее впечатление производил ее наряд. Стоит описать его хоть отчасти. Ведь в красивой даме, как известно, только и стоит, что описывать наряд, потому как без наряда, в чистой наготе, в даме нет решительно ничего интересного. Вернее – особенного. Разве нет?

Туалет ее был пошит из белого пике. Юбка очень широкая, так что все швы скрываются в ниспадающих складках; корсаж-блуз, открытый очень грациозно в манере каре, спереди на вставке из полосатого пике, голубого с белым; изящный отложной матросский воротник, вышитый по краям голубым шелком, и галстук из голубого батиста, завязанный бантом ниже воротника на груди. Голубой кушак был застегнут стальными пуговицами, а пышные рукава-ballon имели маленькие обшлага из полосатого пике. Костюм дополняла широкополая шляпа из голубой соломы с шу, убранная черным шелковым муслином, фиалками и эгреткой из зеленой травы. Светлые шведские перчатки дополняли элегантность туалета. Одной рукой дама нервно теребила изящный зонт из белого газа, вышитый сиреневым шелком, а другой поддерживала на весу подарочную коробочку с бантом. Ну разве не прелесть?..

Не стоит надеяться, что чиновники полиции разбирались хотя бы в части сложнейших деталей изысканного туалета. Попросту, открыв рот, они не могли оторвать взгляд от дивной красоты.

Дама, кажется, не испытывала ни тени смущения или неловкости от того, что ее жадно рассматривают три пары мужских глаз, словно все ее труды предназначались именно для этого. Привыкнув отдавать распоряжения, она ждала, когда к ней обратятся с вопросом, что ей угодно. Видимо, дама происходила из тех кругов общества, которые воспринимали полицейских как обслугу, навроде горничных и дворников. Но чиновники не сделали даже попытки предложить гостье хотя бы стул.

Поискав взглядом хотя бы одного благородного человека, дама наконец поняла, где находится, и вежливым, но строгим тоном спросила телефонный аппарат.

Три присутствующих чиновника как по команде окунулись в срочную работу. Губернский секретарь Редер был очень занят бумагами, не менее был занят коллежский регистратор Матько, а уж как был занят коллежский секретарь Кручинский, перекладывая бумаги с одного конца стола на другой, и говорить страшно!

Уняв раздражение, дама еще раз попросила аппарат, ей срочно нужно телефонировать по важному делу.

– Телефон в участке – дело государственное, – сообщил Кручинский, обмахиваясь от трудов праведных батистовым платочком. – Идите на телеграф, там и телефонируйте. Не видите, что ли, все заняты, не мешайте, барышня, и так с делами не управиться. Здесь полиция, а не проходной двор.

Дама не была приучена к такому обращению, а потому закусила хорошенькую губку. Но делать было нечего. Из маленькой атласной сумочки, которую мы сразу и не приметили, появилась трехрублевая ассигнация и легла на стойку, которая отделяла мир людей от мира чиновников. Случилось чудо: купюра растаяла, а вслед за ней три чиновника повскакивали со своих мест и наперегонки кинулись подводить даму к замызганному ящику, оказавшемуся телефонным аппаратом.

Она попросила оставить ее, покрутила ручку, назвала телефонистке номер 2–23, долго слушала молчание, поблагодарила девушку на станции, повесила рожок и оборотилась к троице, с интересом изучавшей ее прелести, скрытые юбкой.

– Мне срочно нужен сыщик. Лучший, – чуть дрогнувшим голосом сказала она. – Дело о жизни и смерти. У вас есть такой особый человек?

Переглянувшись, чиновники словно сговорились, на кого выпадет счастье.

– Извольте обождать, мадам, он немного занят раскрытием важного преступления, – доложил Кручинский и мерзким образом подмигнул.

5

К насыщенному букету ароматов медицинской комнаты, в котором йод боролся с хлоркой и касторовым маслом, Ванзаров принюхался и перестал замечать, да и составление протокола отняло все внимание. Появление нового аромата откуда-то из-за дверей дало себя знать настойчиво и нагло. Казалось, в жаркой атмосфере надвигается грозовое облако нестерпимой вони, подгоняемое сквозняком. Что за запах, Родион понять не мог и решил: воздух подпортил покойник. Но тот еще не успел. Это была какая-то совершенно особая гарь: будто жгли гнилую солому или болотный мох.

Синельников закрылся газетой и делал вид, что ничего не замечает.

От толчка беленую дверь впечатало в стену, и на пороге предстала роскошная персона. Росту в ней было чуть ли не три аршина, плечи вздымались исполинским размахом, а грудь выпячивалась яблоком. Пришедший был одет не просто великолепно, а с шиком, это подтвердила бы любая дама: в идеально приталенном сюртуке, щегольских брюках, яркой жилетке, а в петлице цвела модная бутоньерка из белых гвоздик. Все та же дама не смогла бы остаться равнодушной к великолепно ухоженным, напомаженным усам, дивно напоминавшим крылышки экзотической пташки. Чтобы впечатление превосходства стало неизгладимым, визитер помахивал тросточкой с замысловатым набалдашником и крепко держал массивный саквояж, по виду тяжелый. Роскошный господин выпустил струю дыма, не разжимая губ, в которых торчала короткая сигара, именуемая сигарильей. Родион вынужден был сдержать рвотный порыв: таким нечеловеческим ароматом дунуло от курильщика. Источник неизвестной вони предстал во всей красе.

Ни с кем не здороваясь, господин прошел к хирургическому столу, бесцеремонно убрал простыню, окинул взглядом мирный труп, развернулся и громогласно заявил, не вынимая изо рта сигарильи:

– Синельников, до белой горячки допился наконец? Какого рожна меня вызывать на сердечный приступ? Совсем сдурел?

– Это не я, господин коллежский советник, – явно робея, отвечал доктор. – Это вот юноша потребовал.

Ванзарова пронзил взгляд карих глаз, усиленный нахмуренными бровями и презрительно скривленными губами.

– А вы что еще за птица с пером в заднице?

– Позвольте представиться, Ванзаров, коллежский секретарь, – недрогнувшим голосом сообщил Родион, пряча подло вспотевшие ладони за спину. – Действительно, это не доктор, а я приказал, то есть попросил вызвать вас… То есть не именно вас, господин Лебедев, а эксперта-криминалиста. Потому что это не сердечный приступ. Вовсе нет. А мне нужно в протокол внести… И вообще…

Угрожающее выражение лица исчезло, открыв умные до чрезвычайности и добродушные до детской наивности черты благородного во многих смыслах мужчины в полном расцвете тридцати с небольшим лет. Изъяв сигарку изо рта, Лебедев задумчиво проговорил:

– Ванзаров… Ванзаров… Не то ли это юное дарование сыска, о котором жужжат сплетники в департаменте?

Родион только потупился.

– Ну так это другое дело! – радостно фыркнул гигант, затушив окурок о грязный пол коридора. – Что ж вы сразу не сказали! А я – Лебедев. Да вы знаете… А откуда вы меня знаете?

О, как много можно было бы поведать о заслугах Лебедева! Не было в России иного криминалиста, который так честно носил бы титул «гениальный». Заслуги Аполлона Григорьевича перед криминалистической наукой и разнообразными научными полицейскими дисциплинами были неисчислимы. Но главным его достижением стало основание в 1890 году антропометрического кабинета по системе Альфонса Бертильони, в котором преступника тщательно замеряли, фотографировали и систематизировали. За пять лет было обмерено более двадцати тысяч человек. Благодаря чему опознавали беглых и разыскиваемых не абы как, а по научной системе, хоть и сложной. И это только отдельный штрих великолепного портрета! Все же, постеснявшись Синельникова, Ванзаров ограничился кратким перечнем дел, в раскрытии которых принял непосредственное участие талант Лебедева.

Это произвело впечатление. Великий криминалист сожмурился, как заласканный кот, протянул ладонь и одарил крепким рукопожатием. Родион смутился, что такой достойный человек найдет кожу его рук недостаточно сухой. Но Лебедев добродушно хлопнул по плечу и обдал запахом дорогого коньяка:

– Ну, юное дарование сыска, выкладывайте, что у вас стряслось…

– Я полагаю, что совершено дерзкое преступление…

Заскучавший было доктор не вовремя хмыкнул, за что немедленно поплатился:

– Синельников! Еще один звук – и вылетишь в форточку… Продолжайте, Ванзаров. Отчего решили, что убийство?

Родион попросил подойти к телу и откинул край сюртука:

– Как думаете, что это такое?

Криминалист сощурился и признался, что ничего не замечает.

– Ну вот же! – указал палец в область, где у трупа полагалось сердце.

Лебедев нагнулся, разгадывая деталь, скрывавшуюся в рисунке яркой материи, и тихонько присвистнул:

– Ай да Ванзаров, ай да глазастый. Как вас величать?

– Родион… – сказал коллежский секретарь и уже не так уверенно добавил: – Георгиевич.

Синельников, заинтересованный находкой, сунулся к столу. И сразу пожалел. Развернув щуплого эскулапа к выходу, Лебедев ласково предложил:

– Ступай-ка ты, брат, отсюда, чайку выпей или водки. Нечего тебе тут делать.

Обиженный доктор в расстроенных чувствах хлопнул дверью.

– А вы совсем другой, – сказал Аполлон Григорьевич, все же понизив голос. – Мхом не поросли, делом горите, не то что эти, сразу видно. Вы уж простите мое вторжение, больно не люблю местного пристава: подлец в погонах – худшая из бед в полиции, да. Ну попробуем разобраться с его благородием дохлятиной.

– Это необычное преступление, может быть, уникальное в своем роде… – заторопился Ванзаров, но был остановлен властным жестом.

– А вот с этим спешить не будем. Как говорится, вскрытие покажет… Внутренностей не боитесь?

– Н-н-нет, – кое-как выдавил Родион.

– Ничего, к пятому трупу привыкнете… Да не падайте в обморок, не стану при вас его потрошить… Так, маленько покромсаем… Отрежем руку-ногу, другую…

Крыса, про которую все забыли, сидела на поддоне коробки, показывая несравненное воспитание. Она с любопытством следила за очень большим человеком, от которого пахло

вкусным обедом. Только животное не могло уразуметь, отчего это он с таким вниманием разглядывает мертвое тело.

– Вот зараза, не могу понять, что это может быть, – сказал Лебедев, разглядывая предмет, выпиравший из жилетки.

Затруднение великого криминалиста было простительно. На фоне ярких разводов ткани, напоминавшей безумные индийские вышивки, скромно жался металлический шарик, отливавший бронзовым блеском. Размером – с крупную виноградину или мелкую сливу, как угодно, сидел на жилетке слишком прочно, а на верхушке имел аккуратные насечки:

|||

Вещицу нетрудно было принять за часть одежды или модное украшение вроде броши, не заметить совсем или не обратить внимания. Так и сделало бы большинство чиновников полиции, а уж сотрудники Казанского участка – непременно.

– Почему решили, что шарик имеет отношение к смерти бедолаги? – спросил Лебедев.

– Если мужчина навешивает на пузо цепи с брелоками – это одно. А этот одет бедно, без украшений. Нелогично, – еще немного тушуясь, ответил Ванзаров.

Ему все больше нравилось общаться со звездой русской криминалистики. Само собой получалось легко и непринужденно, как между старыми приятелями. Два разных по возрасту и положению человека необъяснимым образом испытали друг к другу прилив искренней симпатии. Отчего такое бывает?

– Ладно, возьмемся за тело, – сказал Аполлон Григорьевич.

Гигантский саквояж раскрылся и оказался походной лабораторией. Из недр были извлечены щипцы устрашающего вида с хищно загнутыми концами. Приладив их под шарик, Лебедев прочно ухватил рукоятки, напрягся и дернул с устрашающе легкой силой.

Мертвец отшатнулся по инерции. С мягким чмоком вынырнуло тонкое полированное лезвие, на котором остались бордовые сгустки.

– Что это? – спросил Ванзаров, не боясь показаться невежей.

Быстрого ответа не случилось.

– На стилет воровской не похоже, слишком изящная штучка, – сказал эксперт, вертя на свету предмет. – Не медицинский инструмент – однозначно. Возможно, шило. Хотя не сапожное. Лезвие немного длинновато – с полвершка… Да, ловко господина сложили.

– Прошу прощения?

– На воровском жаргоне «сложить» значит «убить». Учите, Ванзаров, арго пригодится, – сказал Лебедев, крутя в щипцах странный предмет. – Что за ерунда такая?

Какой музыкой прозвучали для Родиона эти слова! Вот она – загадка. Интуиция не подвела, наконец ему попалось настоящее таинственное дело для настоящего сыщика!

Шило отправилось в стальной судок, жалобно звякнув. Лебедев сообщил, что такую неприятность следует перекурить, вынул свежую сигарку, подхватил трость, изящным, несколько показным образом нажал скрытую пружинку набалдашника, на котором вспыхнул язычок пламени. Тщательно прикуривая, криминалист наблюдал за произведенным впечатлением.

– Замечательное изобретение: трость с вечной зажигалкой, – хвастливо заявил он. – Никогда не подводит, ни в дождь, ни в снег. Патентованная вещь, отвалил бешеные деньги. Кстати, не желаете сигарку? Исключительные – никарагуанские. Специально для меня в одной лавке держат.

Ванзаров вежливо отказался, стараясь прокашляться не очень вызывающе. То, что во всей столице такие сигарки курил один человек, не удивляло. Источаемый ими запах требовал особого мужества или полного отсутствия обоняния.

– Вижу-вижу, что не терпится, рассказывайте, что накопали, – подбодрил Лебедев широким жестом. – Не стесняйтесь, все свои. А если что – труп не проболтается.

Родион выдохнул и заторопился:

– Молодой человек ни с того ни с сего падает посреди улицы. Городовой волочет его в участок, даже не удосужившись захватить свидетелей. Все думают, что это сердечный приступ. Но обнаруживается масса странностей. Первая: у него в карманах нет решительно ничего – ни денег, ни документов. Кроме вот этого листка…

Ванзаров протянул полоску сероватой бумаги, на которой типографским способом была напечатана черная роза, а рядом с ней криво нарисованы чернилами полукруглые стрелки, замыкающие себя кольцом.

Лебедев покрутил обрывок и равнодушно отложил:

– Ну и далее?

– Вторая странность: у этого господина нет никаких украшений, кроме колечка на безымянном пальце левой руки. Ничего не напоминает?

– Змейка хвост кусает.

– Это не змейка. Это – уроборос! – несколько взволнованно сказал Родион. – Древний гностический символ! Образ вечного круговорота, цикличности, гибели мира и его воскрешения, смерти как рождения и рождения как смерти. Символ бессмертия и самооплодотворения. Истина и познание в одном…

– Хотите сказать, тайный сектант? – спросил Лебедев, выпуская облако дыма.

– За этим скрывается нечто большее, чем просто убийство.

– Поспешный вывод. Все может иметь примитивное объяснение, да хоть убийство из ревности. Или, например, его с кем-нибудь спутали.

– А то, что одежда с чужого плеча?

– Свою отдал в чистку.

– Что скажете на это? – Родион уставил указательный палец в животное, которое благодарно принюхалось. – При нем была шляпная коробка, в которой находилась дрессированная крыса.

– Вот как! – Лебедев улыбнулся. – Я-то подумал, Синельников совсем ума лишился от пьянства, крысу себе завел. Какое милое животное! И по виду умница.

Крыса уловила, что говорят о ней, и решила предъявить себя добрым людям во всей красе: встала на задние лапки и покачалась, словно в танце.

– Занятно как, – сказал Аполлон Григорьевич, кидая актрисе кусочек сахара. – Хотите убедить меня и себя, что в скучной полицейской рутине мы наткнулись на необычное дело?

Ванзаров мог лишь согласно кивнуть.

– Так вот что скажу вам, Родион Георгиевич: дело самое пустяковое. И не подсовывайте мне всяких змей с крысами да розами. Все это – ерунда. Я еще стерплю, а пристав и слушать не станет. Тут нужны серьезные улики. А их нет.

– Неужели? – с упавшим сердцем спросил Родион.

– Ну, почти… Возможно, за маленьким исключением… – Лебедев умело держал паузу, как великий актер перед залом, затаившим дыхание. – Оно перед вами.

6

– Должна вам сказать, что в дамской моде этого сезона никаких открытий. По-прежнему остались популярными очень пышные рукава-ballon, причем у летних платьев рукав всегда полукороткий, отделанный шу из лент или кружевами, но наиболее пышная часть его… – дама показала на себе, – у локтя так, что рукав напоминает форму эполета. Белый цвет особенно в моде. С платьями нежных цветов принято носить черные кушаки, но тогда необходима

и высокая черная шляпа. Весьма модным сочетанием цветов надо считать синий с желтыми цветами, например в отделке шляп. Кстати, о шляпах: в большой моде вуали из белого тюля с рисунками в виде горошин или разводов с кружевом, причем последние идут более всего к большим шляпам. Например, как вон та… Вуали из tulle-illusion[1] цвета «мов» или розоватые придают свежий оттенок лицу… Позвольте угостить вас свежими моделями шляпок. Мне присылают образцы прямо из Парижа…

Матильда не давала и слова вставить молоденькой барышне, по которой сразу скажешь: вкус не развит, из грязи в князи.

Действительно, мадам Оноприна только теперь смогла осуществить заветную мечту: не боясь расходов, зайти в самый роскошный и дорогой салон дамских мод в столице, который держала Матильда Живанши. С тех пор как муж Оленьки получил скромное место чиновника в городской Думе, позволявшее распределять подряды на электрическое освещение, благополучие семьи резко выросло. Чему мадам Оноприна была искренно рада.

Сидя с чашечкой кофе, которую еще не научилась держать на весу, Оленька с тихим восторгом и ужасом поглядывала на невероятные туалеты, о которых и мечтать не смела, а теперь – пожалуйста, на элегантных дам, тихо беседующих со своими модистками, на цветные картинки журналов мод, выставленные в рамках, и готова была хватать без разбора первое, что предложат, так ей все нравилось. Голова кружилась от счастья и детского восторга.

– Взгляните, что за прелесть эта шляпка: модель называется «Мария Терезия»! А это – разве не чудо: модель «Мерседес». Или вот какая милая шляпка: модель «Мисс Эрвин». Но особо мне нравится модель «Дофин». Она изумительна, не правда ли?

Жена удачного чиновника соглашалась со всем, потому что сравнивать ей было не с чем. Еще недавно сама перешивала шляпки, по три года носила одни башмачки и была рада-радешенька серенькому платьицу. Вовремя вспомнив, что теперь она солидная дама, Оленька сделала серьезную мордочку и спросила:

– А это действительно самые последние парижские моды?

Мадам Живанши позволила себе чуть печальную и чуть покровительственную улыбку. Как хорошо знала она всех этих дочек мелких чиновников и купцов, недослужившихся офицеров и разорившихся помещиков. Как хорошо понимала, чего им хочется, когда вдруг открылись возможности, когда можно не экономить копейку и получать наслаждение от новых тряпок. Насквозь видела их Матильда.

– Дорогая моя, только в этом салоне найдете самые свежие модели. У меня осталось много друзей во Франции, где я училась искусству моды и провела семь самых счастливых лет.

– А разве моде надо учиться? – спросила Оленька. – В журналах картинки печатают.

– По картинкам шьют в дешевых салонах, могу подсказать хорошие…

– Нет, не надо, я у вас хочу…

Матильда пожалела барышню: и так растерялась от переживаний.

– Не изволите взглянуть на мои награды? – уже ласково спросила она.

Мадам Оноприна с облегчение избавилась от кофейной чашечки и отправилась за хозяйкой салона. С улыбкой торжества Матильда отворила стеклянную дверцу изящного шкафчика в стиле Людовика XV:

– Это мои скромные победы на пути к вершинам искусства моды, которых не достичь никому.

Оленька честно смотрела на зеркальный уголок и не могла понять, чем следует восторгаться. Не дождавшись обязательных возгласов, Матильда неприятно удивилась, но на всякий случай глянула внутрь шкафчика. И не справилась с чувствами:

– О, мой бог! Какое варварство! Какое коварство! Их украли!

---

[1] Тюль-иллюзия (*фр.*).

7

Ванзаров лихорадочно пытался сообразить, на что намекает криминалист. Неужели упустил какую-то важнейшую и очевидную улику? Недосмотрел – и вот опозорился перед великим знатоком? Ай, как стыдно!

– Да не ищите всякую мелочь. – Лебедев легонько подоткнул юношу в спину. – Вот главная улика во весь рост: сам покойник.

– То есть прием убийства?

– А что же еще!

Забыв про угрызения совести и застенчивость, Ванзаров вдруг сказал:

– Позвольте, я буду рассуждать вслух, ну, как сделал бы Сократ… Извините…

Лебедев только развел руками от восхищения.

– Ну уж порадуйте. Чтобы в полиции Сократа использовали – это трюк почище, чем кошелек у губернатора притырить.

– Я немного знаком, то есть изучал систему логики Сократа… И вот… Ну, то есть… Если, положим…

– Да не тяните, Родион Георгиевич! Я не пристав, безумно любопытно.

– Значит, так, – Ванзаров выдохнул. – Молодой человек явно не собирался умирать. Чисто выбрит, помылся, еще пахнет свежим мылом, руки холеные, ухоженные. К какому сословию принадлежал? Обеспеченному. Но одежда дешевая, не его. Для чего маскарад? Не хотел, чтобы узнали. Далее. В самую жарищу отправляется куда-то с коробкой, в которой сидит послушная крыса. Зачем? Ответа нет. А предположения делать не будем. На Невском проспекте, в самом центре столицы, он получает смертельный удар в грудь. Почему в таком месте, зачем рисковать? Допустим, это показательная расправа. Но кого это устрашило? Да никого. Что остается? Для убийцы не оставалось другого шанса с ним расправиться. Времени не оставалось. А значит, это как-то связано с посылкой, которую нес погибший. Далее. Убийца настолько дерзок и хитер, что никто из прохожих не видит, что человеку всадили в сердце острый предмет. Что это значит? Это профессионал с твердой рукой. Но за последнее время таких происшествий по нашему департаменту не проходило. Почему? Потому что он воспользовался каким-то своим навыком…

– Позвольте встрять, – оживился Лебедев. – Могу добавить о способе убийства. Удар нанесен с очень близкого расстояния, буквально вплотную, снизу вверх, у злодея крепкая и, самое главное, – точная рука. Смею уверить: такой удар в сердце требует большого мастерства. Несчастный был какое-то время еще жив, и малейшее движение убило его. Так какая у него профессия?

– Не знаю, – признался Ванзаров. – Зато наверняка он – мужчина.

– Вывод неверный. И женщина может нанести один сильный удар. А уж коварный – без сомнения.

– Не в этом дело. Такое шило в руке долго нести невозможно, кто-нибудь на улице заметит, станет оборачиваться и тому подобное. А оно должно быть под рукой в любое мгновение. В женском платье его девать некуда – перчатки до локтя или манжеты слишком плотно прилегают. Другое дело мужской сюртук…

В нервном возбуждении Родион схватил шило и осторожно засунул в рукав, подвернув кисть. Оружие стало невидимым. Но как только обшлаг расширился, шило плавно выскользнуло прямо в ладонь, а шарик удобно уперся в пальцы. После чего не составило труда нанести разящий удар снизу вверх.

Лебедев одобрительно хмыкнул:

– Где это научились таким приемчикам гайменника?

– Просто логика. Убийца подошел к жертве так близко, как того требовал удар, но несчастный ничего не заподозрил. Почему?

– Хотите сказать – его знакомый?

– Не совсем. Но почти уверен, что убийца – левша.

– Неужели по форме раны смогли определить? – с некоторой тревогой спросил криминалист.

– В этом я пока мало разбираюсь, – признался Ванзаров. – Тут логика. Как проще всего нанести такой удар в людном месте? Из-за спины. Почему? Те, кто идет по улице сзади убийцы, вообще ничего не поймут: мало ли что делает прохожий. А те, кто шел навстречу убийце, вряд ли смогут заметить быстрое движение рукой. Что получается? Удар левой рукой из-за спины. Убийца догнал, ударил и пошел дальше, как ни в чем не бывало. Для этого он должен хорошо знать свою жертву, чтобы не спутать его спину с кем-нибудь. Исходя из этого, следует вывод: убийца никак не выше жертвы, а может быть, чуть ниже его. Убил и расписался.

– Это как же? – насторожился Лебедев.

– Обрывок с розой и стрелками был засунут в нагрудный карман. Как знак, что послание доставлено по адресу.

Выпалив логические умозаключения, Родион растратил запал и теперь смотрел на старшего коллегу в тревожном ожидании: не ударил ли в грязь лицом? Примет ли великий криминалист рассуждения почти мальчишки?

Лебедев скрылся в раздумьях, а когда молчание стало уж слишком тоскливым, вдруг поднял крышку от шляпной коробки, заглянул внутрь и сообщил:

– Надо же, «Смерть мужьям».

Немым образом Ванзаров умудрился выразить фейерверк чувств, среди которых «ага!» и «ух ты!» были самыми слабыми.

– А! Так вы не знаете… Коробка эта из салона современных мод некой Матильды Живанши называемого «Смерть мужьям».

– Что за жуткое название для дамского салона?

– На вывеске у нее «Салон m-le Живанши», а прозвище молва дала. И поделом. У Матильды безумные цены на платья, шляпки и прочую чепуху, без которой не может прожить ни одна дама. Каждый визит опустошает кошелек. Ну и бедные мужья отомстили как могли. Вот женитесь, не дай бог, тогда узнаете.

– Где он находится?

– Кажется, на углу Невского и Караванной. Это важно?

– Недалеко от этого места было совершено убийство.

– Неужто из салона мод крысу в коробке несли?

– Возможно совпадение. Вот если б животное могло говорить…

Блестящие глаза-бусинки грызуна трепетно смотрели на людей, которые так мало обращали внимания на такую хорошую крысу. Животному хотелось общения, но оно было слишком хорошо обучено смирному поведению.

– Чтобы определить личность, потребуется время, – сказал Лебедев. – Если о пропаже не сообщат родственники, придется давать объявление в газете и устраивать открытое опознание. Меньше чем на неделю не рассчитывайте, коллега.

Если бы Ванзарову предложили на выбор: все богатства мира или услышать этот скромный эпитет из уст великого криминалиста, юноша не раздумывал бы и мгновения. Да за такое счастье стоило терпеть еще месяц каторги в участке! Его назвал коллегой сам Лебедев! В небесах вспыхнул транспарант: «Родион – все-таки великий сыщик!» Но юноша поскорей отогнал счастливое видение. И очень вовремя. Дверь медленно приоткрылась, в проем сунулось елейное личико чиновника Матько:

– Родион Георгиевич, извольте в кабинет для допросов.

– Зачем? – дольно грубо спросил Ванзаров.

– Ну как же, сам господин пристав вам место уступили.

– Да в чем дело?

– Вас там ожидают.

– Меня?

– Разумеется, вас. Пришла дама, которой требуется лучший сыщик, а вы у нас один такой. – И Матько растворился вместе с улыбочкой.

– Все-таки крысы порядочнее людей, – вздохнул Лебедев. – Идите уж, лучший сыщик, я тут еще поколдую. Может, покойничек чем-нибудь поделится любопытным.

Внезапно Родион ощутил, что слово «сыщик» перестало приятно возбуждать и щекотать.

8

Комнатка для допросов была устроена как нельзя хуже – на втором этаже, где было еще жарче, но зато по соседству с кабинетом самого пристава. Ванзаров решительным образом распахнул дверь, намереваясь быть строгим и солидным чиновником полиции, тем более – для особых поручений, но застыл как столб, задохнулся и ослеп. На краешке протертого кресла, засиженного бессчетным количеством задов жуликов, воров, убийц и прочих отвратительных личностей, помещалось создание неземной красоты. В луче солнечного света, лившегося из окна, женщина показалась Родиону творением совершенно бесподобным, перед которым хотелось упасть на колени. Но будущий великий сыщик все же сдержался, насупил брови и для солидности хмыкнул. От дамы мучительно и призывно веяло модным ароматом «Черная маска».

Чтобы пояснить внезапную слабость Родиона Георгиевича, следует несколько бесцеремонно влезть в его частную жизнь. К возрасту, в котором иные ретивые самцы уже обзаводятся законным потомством, Родион все еще пребывал в состоянии, какое деликатно можно обозначить «романтическим туманом». Не то чтобы Родион избегал женщин или, упаси бог, тянулся к своему полу. Совсем напротив, в мечтах позволял разнообразные шалости и трюки, но, как только дело касалось реальной барышни, трусость, переходящая в панику, овладевала стальным сердцем юного чиновника. Быть может, виной всему была его матушка, которая прилагала чрезмерные усилия к тому, чтобы младший сынок поскорее надел ярмо семейной жизни. В каждой девушке Родион стал видеть будущую супругу, что ужасно пугало. Уж чего он точно не хотел – так это связывать себя семейными обязательствами. Какая семья, когда карьера великого сыщика ждет впереди.

Незнакомка в кресле не стала исключением. Уж слишком призывно изгибался стан, охваченный кушаком, а юбка… впрочем, этот туалет уже известен. Но в этот раз исцеление пришло стремительно: на безымянном пальчике блеснуло обручальное колечко, и сама дама, обмахиваясь платочком, обдала таким холодным, изучающим взглядом, что несгибаемый Ванзаров смутился некоторых потертостей своих сюртука и брюк. Заложив руку за спину и выпрямив торс, как мог, он строго спросил:

– Чем могу служить?

Дама еще держалась за крайний предел терпения, за которым у женщин начинается безысходная истерика. Жара и шутки чиновников сделали свое дело. Ожидала увидеть солидного, взрослого господина, которому можно доверить свою беду, а перед ней предстал коренастый юноша, чуть более полноватый, чем требовала мода, похожий на добродушного медвежонка, гладко выбритый, в несвежем костюме, возомнивший о себе невесть что, но при этом явно нервный девственник. Уж это дамы умеют почуять особым чутьем. Представший субъект не понравился прекрасной шатенке. Она не сочла нужным скрыть презрение и, скривив губки, спросила:

– Вы что, сыщик?

Остатки волшебного ореола развеялись. Слово, так много значившее для Ванзарова, прозвучало как ножом по стеклу и совсем поблекло. Теперь Родион видел перед собой нагловатую особу, психологический портрет которой был составлен мгновенно: капризная истеричка, возможно, с бредовыми идеями, имеет детей, вполне состоятельна, изнывает от безделья, привыкла вертеть мужчинами, хитра, знает себе цену и умеет толково распоряжаться красотой, одета как на картинке из журнала мод, тщеславна, любит быть в центре внимания. Дело, скорее всего, пустячное: или поссорилась с мужем, или пропал любимый пуделек. Спасибо собратьям-чиновникам, опять подстроили мелкую пакость. Придется тратить время на ерунду, когда ожидает такое дело.

– Чиновник десятого класса, коллежский секретарь Ванзаров, прислан в этот участок из Департамента полиции как чиновник для особых поручений от сыскной полиции, – отчеканил Родион служебную абракадабру. – Так в чем, собственно, дело?

Обилие титулов столь юного мужчины произвело на даму впечатление, и, резко сменив тактику, она одарила застенчивой, но чуть игривой улыбкой.

– Я просила, чтобы мне дали лучшего сыщика, ваши коллеги рекомендовали вас…

Яд лести опоздал, в душе Ванзарова звенела сталь.

– Изложите дело, я очень тороплюсь.

– Вы такой милый и тоже хотите от меня отделаться?

Дама сделала драматическую паузу, а Родиона охватило нехорошее предчувствие: так и есть – змея-искусительница. Или хитрая бестия, в лучшем случае.

– Уверяю вас, у меня не пустячное, а очень важное, трагическое дело…

– Позвольте…

– Я супруга титулярного советника Министерства иностранных дел Екатерина Павловна Делье, – представилась дама с таким значением, будто фамилия ее мужа горела аршинными буквами над всеми столицами Европы.

Тем не менее имя было знакомо Ванзарову исключительно в силу родственных обстоятельств, говорить о которых сейчас не время. Это никак не изменило мнения о визитерше, но заставило изобразить вежливый поклон.

– К вашим услугам, – повторил Родион Георгиевич. – Что привело вас в полицию?

Госпожа Делье словно собралась с силами, не забыв оправить шу на шляпке, а также разгладить кончики блузы, и сообщила:

– Так знайте: произошло жуткое преступление!

Умение составлять мгновенный психологический портрет не подвело. Ванзаров невольно зажмурился: так и есть, ненормальная истеричка.

9

Господин, одетый на манер англичанина, провел в 3-м участке Спасской части уже полчаса, а этого времени вполне достаточно, чтобы любой нормальный человек, даже не жулик или грабитель, закипел, гневно оскорбляя и грозя жуткими карами. Титулярный советник Анучкин честно старался довести задержанного до белого каления, долго и муторно составляя протокол. Но наглец только улыбался, даже золотое пенсне не снял, и опять спросил:

– Так в чем же меня обвиняют?

– Повторяю, господин… – Анучкин нарочно заглянул в протокол, хоть и помнил фамилию, тут ведь важно, чтоб задержанный прочувствовал себя никем, – господин Карсавин, вы злостно нарушили введенный в нашей столице порядок управления велосипедом. Что написано в правилах? Зачитываю: «Каждый велосипед, при езде на нем по городу, должен быть снабжен выданным на этот предмет из канцелярии господина градоначальника номерным зна-

ком, прикрепленным сзади велосипеда так, чтобы знак этот не был закрыт сумкой или одеждой. Кроме того, обязательно иметь звонок, а с наступлением темного времени – зажженный фонарь». Фонарь есть? Фонаря нет.

– Но ведь сейчас ясный день, зачем фонарь?

– Вдруг гроза и сумрак упадет? А вы без фонаря. Нарушение. Далее, где номерной знак?

– Велосипед куплен только вчера, не успел.

– Надо, господин Карсавин, закон соблюдать… Столько народу напугали… Я уже не говорю о лошадях… Вон что городовой в рапорте докладывает…

– Голубчик, это абсурд, – сказал господин и так мило улыбнулся, что Анучкину расхотелось его уличать. На какое-то мгновение. Но жара и прочие трудности взяли свое. Чиновник нахмурился и веско сказал:

– Правила для всех писаны… Что в них? Читаем: «Во время езды по городу велосипедист обязан иметь разрешение при себе и предъявлять его по требованию полиции». Покажите разрешение…

– Где его получать?

– Эх, господин Карсавин! На велосипед сели, а таких простых вещей не знаете… Ладно, будем составлять. Происшествий мало, так что завтра во всех газетах заметка появится. Спасибо репортерам, помогают полиции бороться с этой заразой велосипедной…

Наконец-то чиновник попал в чувствительную точку. Господин задержанный полез в карман, извлек кожаное портмоне и невинным голосом спросил:

– Какую посильную помощь могу оказать защите правопорядка?

Анучкин немедленно принял гордый вид, кашлянул для значительности и уткнул палец в правила:

– Обращаю ваше внимание: «Лица, виновные в нарушении сих правил, помимо применения к ним административной или судебной ответственности, могут быть по усмотрению господина градоначальника лишены права езды на велосипедах по городу временно или навсегда…»

На столе сама собой появилась десятирублевая купюра, новенькая, только что введенная в оборот, а потому чрезвычайно популярная у горожан и меняльных контор. Как волшебно возникла, так и исчезла.

– …Но, учитывая ваше полное и искреннее раскаяние, полиция считает возможным простить на первый раз такое правонарушение. Но больше не нарушайте.

Протокол, тщательно разорванный и смятый, отправился в мусорную корзину. Господин благодарно поклонился и попросил выкатить велосипед на улицу. Заодно пообещал не ехать, а вести в руках, завтра же непременно получить все разрешения и номера.

– Это невозможно, – улыбнулся чиновник Анучкин. – Наказание вам отменено, но велосипед без номерного знака реквизируется полицией. Всего доброго.

Господин в золотом пенсне пробормотал тихое проклятие и вышел из участка. Что мало встревожило титулярного советника. Сынок так давно просил велосипед: будет ребенку дорогой подарок на именины.

10

Сообщив столь сногсшибательную новость, госпожа Делье, вероятно, ожидала, что чиновник полиции кинется сломя голову на выручку или хоть поднимет по тревоге роты столичной полиции. Но упрямый «бычок», как она прозвала его про себя, продолжал таращить на нее миленькие глазки, чего уж тут скрывать, но явно демонстрировал отсутствие горячего интереса.

– Значит, жуткое преступление? – переспросил он в довольно развязной манере.

Этого было достаточно, чтобы терпение Екатерины Павловны лопнуло, и срывающимся голосом она изложила все, что думает про полицию вообще и про всяких мелких чиновников в особенности.

Хорошенький «бычок» выслушал ее причитания с омерзительным холодным спокойствием – и откуда в таком возрасте, подумайте, взялась этакая выдержка! – и как ни в чем не бывало спросил:

– Так в чем жуткое преступление?

Больше всего Екатерину Павловну задело, что этот пухленыш не реагирует на ее чары, и, попробовав последний аргумент – слезы, – окончательно в этом убедилась. Чиновник полиции преспокойно наблюдал, как она заливается, и только бесчувственно предложил воды.

Терпеливо снеся истерику барышни, Родион Георгиевич повторил свой вопрос.

– Вы такой юный, а уже очерствели душой! – всхлипнула Екатерина Павловна. – Как это ужасно.

– Госпожа Делье, я уже третий раз пытаюсь добиться от вас: что случилось. Хотя если точно – в четвертый. А вы не даете мне ни малейшего шанса.

– Убийство! – крикнула вполне жалобно Делье.

– Кого? Когда? Где?

«Нет, он законченный сухарь, ничего его не берет», – с досадой подумала Екатерина и спросила:

– Вы обещаете мне помочь?

– Все, что будет в моих служебных возможностях. Так с кем случилось несчастье?

– С моей подругой.

– Почему не вызвали полицию?

– Ну, я не вполне уверена… Хотя ничего другого и быть не может!

Родион стал сомневаться в психологическом портрете: кажется, барышня всего-навсего хорошенькая дура. Или что-то уж очень хитрит. Для чего вся эта сцена со слезами? Чтобы потом ляпнуть откровенную глупость?

– Извините, я вас не понимаю, – признался он.

Екатерина Павловна как-то сразу перестала притворяться. Оказывается, сегодня утром она пришла в дом к подруге, чтобы поздравить с именинами. Долго звонила, но ей не открыли. Спустившись во двор, увидела, что окна открыты для проветривания, чего не могло бы быть, если бы в квартире никого не осталось. Дворник пребывал в состоянии печального отупения от жары и не мог вспомнить, выходила ли госпожа Грановская. Встревожившись, Екатерина пришла в участок и стала телефонировать на квартиру. Но никто не ответил.

– Не вижу причин для беспокойства. Ваша подруга могла, например, уехать, – предположил Ванзаров.

– Да как вы не понимаете, у нее именины! Аврора сидит дома и получает от гостей подарки. Она их просто обожает. Даже если бы выбежала на минутку, в доме остается горничная. Но никто не отвечает!

– А муж?

– Он на службе с раннего утра.

– Так близко знаете распорядок их семьи?

Екатерина Павловна осадила намек чиновника полиции строгим взглядом:

– Грановский – известный адвокат. Не вылезает из судебных процессов. Вы не могли не слышать эту фамилию.

Да, возможных врагов грядущих судебных заседаний Родион изучал заранее. За последний год фамилия «Грановский» стала много значить для юридического мира столицы: восходящая звезда юриспруденции, молодой адвокат, который за короткое время сумел выиграть три сложных гражданских дела подряд. Опасный враг для сыщика. И все же прозвучавшая

фамилия придала совершенно новый смысл истерическим стенаниям. Вернее – смысл в них наконец появился.

– Надо срочно отправиться к ней на квартиру и выяснить, что произошло, – приказала хорошенькая барышня.

– И все же с чего взяли, что с вашей подругой случилось такое несчастье?

– Да просто поверьте! Поверьте, и все! – закричала Екатерина. – Не время объяснений, надо спешить!

– Ей кто-то угрожал?

– Да что же это в самом деле! Вы человек или инструкция ходячая? Говорят вам – случилось несчастье! Помогите!

Наконец убедившись, что мадам Делье обрела необходимый градус искренности и дальше изводить женщину бесполезно, Ванзаров примирительно сказал:

– Так и быть. Отправлю с вами двух городовых.

– Нет, умоляю! – Отложив зонтик, Екатерина стала заламывать хорошенькие ручки. – Без вас и шагу не ступлю! Я знаю, что с Авророй произошла беда. Вы нужны там! Будьте милосердны к мольбам женщины.

Это был удар ниже пояса. Как ни крепился Родион, но и его стальному характеру пришлось поддаться. Страх и трепет жены дипломата были чрезвычайно искренними. Одно странно: отчего так убиваться за судьбу подруги, но все же не родного человека? И Ванзаров спросил напрямую.

– Если Аврора убита, значит, и меня убьют, – сказала Екатерина так просто, словно дело шло о самом мелком домашнем происшествии.

Родион уже собрался вцепиться стальной хваткой в это признание, как в кабинете появился Лебедев. Под мышкой он держал какой-то сверток, а на локте его удобно расположилась мирная крыса.

– О, Ванзаров! – вскричал криминалист. – Вот вы где прячетесь, с хорошенькой барышней лясы точите, молодчик! А мы с Гоголем вас везде обыскались.

– С каким Гоголем? – искренно недопонял Родион.

Лебедев приподнял локоть с крысой:

– Знакомьтесь, мой друг – Гоголь. Характер тишайший, и похож, подлец, удивительно. Не находите?

С крысой произошло что-то странное. Мирная и по-своему обаятельная мордочка вытянулась хищным клинком, глазки сузились, шерсть встала дыбом. А дальше случилось невероятное. Если бы Ванзаров не видел своими глазами – ни за что не поверил бы. Крыса сжалась в комок и вдруг отчаянно прыгнула, метя прямо в лицо Екатерины Павловны. Но промахнулась и шлепнулась на пол.

Воочию случился самый страшный из женских кошмаров: огромная крыса, ощерив пасть, хочет наброситься и загрызть до смерти. Реакция или инстинкт, тренированный поколениями женщин на крохотных мышатах и беззлобных хомячках, сработали: Екатерина буквально взлетела на стол, поджав коленями юбку, и затрубила столь ужасающе высоким фальцетом, что у Ванзарова заложило уши. Не обращая внимания на душераздирающий крик, Гоголь рыскал вокруг стола, примериваясь, как бы взобраться на приличную высоту, и наконец выбрал подходящую ножку. От обаятельного пушистого зверька не осталось и духа: это был устремленный и беспощадный хищник, мститель за все беды крысиного племени.

Цепкие коготки уже карабкались по резным узорам, когда в кабинет влетел пристав и, не раздумывая, нанес удар кованым сапогом. Раздавленная тушка с вылезшими из орбит глазенками шлепнулась на пол, дернулась и затихла. Для верности каблук пристава превратил голову Гоголя в лепешку.

– Что здесь происходит? – закричал подполковник, перекрикивая визг женщины.

– Вы убили важнейшую улику! – в ответ закричал Ванзаров.

В последующие мгновения только Аполлон Григорьевич сохранял ледяное спокойствие. Орал пристав, вопила Делье, высказывался Ванзаров. В дверях застыли оглушенные и перепуганные чиновники.

Наконец страсти улеглись. Рыдающую даму увел под ручки лично Вершинин-Гак, приказав Ванзарову строгим шепотом немедля явиться к нему на ковер.

– Ну и ну, – проговорил Лебедев, разглядывая кашицу кровавого меха на полу. – Никогда не слышал, чтобы имя так взбесило животное. Надо было его Тургеневым, что ли, назвать. Не похож, зато таких художеств не усочинил бы.

– Имя тут ни при чем, – сказал Ванзаров.

– А что? Не от жары же Гоголь свихнулся.

– Не знаю. Что-то другое.

– Вот и думайте. А не придумаете, спросите совет у Сократа. И заодно об этом… – сказал Лебедев, кинув на стол рыжий парик с бородой. – Покойник наш вполне выбрит и розовощек, если бы не трупная бледность. Хорошо замаскировался. Вот вам и желанная загадка.

– Даже две. Если включить поступок Гоголя.

– Фотограф полицейского резерва уже щелкнул портретно во всех видах, скоро получите любопытные снимки. А это, – криминалист показал стеклышки, между которыми виднелась крошечная загогулинка вроде червячка, – я нашел у нашего приятеля под ногтями. Знаете что?

Родиону пришлось демонстрировать полную неосведомленность.

– Олеонафт, – торжествуя, заявил Лебедев. – Смазочное масло для велосипедов. Понимаете?

Ясно как божий день: неизвестный труп стал немного понятнее. Господин увлекался велосипедами, судя по засохшей на нем грязи – страстно. А значит, круг поисков значительно сужался. Так что появлялась надежда быстро узнать его личность.

– На ладонях – характерные мозоли от рукояток руля. На коленях и щиколотках – синяки от многочисленных падений. Если принять во внимание хорошо развитую мускулатуру ног, какой вывод напрашивается?

– Спортсмен-гонщик… Где же он мог взять шляпную коробку?

– И семейная жизнь оставляет на теле неизгладимые следы, – Лебедев хитро улыбнулся. – Перед маскарадом снял обручальное кольцо, но вмятинка на пальце осталась.

– Ну конечно! – вскричал Родион. – Как я не догадался? Это же проще всего: у жены. У нее, поди, таких коробок целый шкаф, даже и не заметит мелкую пропажу. Как же я сразу не понял…

– Это у вас от недостатка семейной жизни. Ничего, с годами пройдет…

– Семейного человека хватятся уже сегодня вечером. Завтра получим заявление о пропаже, установим личность… Это хорошо… Спасибо, Аполлон Григорьевич, вы очень помогли, – искренно и печально добавил Ванзаров.

– Пустяки, коллега! – В огромном кулаке Лебедева появилась изящная серебряная фляжка. – Глотните, а то вам еще с приставом общаться. Это развлечение не для слабых духом. Будьте с ним осторожны, отменный прохвост.

И Родион маленько приложился к фляжке. Только через несколько лет он случайно узнал, какой чести был удостоен.

– Ну, с боевым крещением… – сказал Лебедев, в свою очередь глотнув из фляжки. – Предлагаю углубить знакомство. Вы сегодня вечером свободны? Вот и отлично. Покажу вам милые пороки столицы, да. В вашем возрасте это полезно.

С легким сердцем и приятно замутневшим сознанием Родион Георгиевич отправился на первый в своей полицейской карьере начальственный разнос.

11

Кабинет пристава походил на провинциальный музей, в котором развесили по стенам все, что только смогли приколотить, не забыв самую бесполезную дрянь. Фотографии и картины в больших, средних, маленьких и даже крошечных рамочках жадно теснились до потолка, откуда свешивалась огромная люстра с плафоном, которая обещала свалиться на голову посетителя. Пахло в кабинете, как и полагается во всяком местопребывании местной власти, – смесью пыли бессчетных поколений бумаг.

Сам Савелий Игнатьевич был мужчиной удобным, то есть умевшим вовремя нагнуться, приложиться или выслужиться. Он знал, что дальше участка не поднимется, и был исключительно доволен тихим и безбедным существованием. Но все же за особую гладкость характера и умение крепко устроиться где нужно, получил несмываемое прозвище Желудь. Несносного и крайне обременительного подчиненного он принял в расстегнутом мундире, показывая свойское расположение к провинившемуся и отходчивый характер. Хотя себя уже выругал за мягкотелость и за то, что поддался уговорам начальника сыска принять «юную звезду» из департамента.

Перед лицом пристава Ванзаров решил держаться исключительно официально, не поддаваясь на проявление добросердечности с его стороны. А потому вытянулся почти в струну.

– Что же это вы, батенька, усочинили? – ласковым голосом принялся распекать Ванзарова пристав. – Разве можно такие фокусы в участке? Понимаю ваше рвение, но все же границы нужны. Откуда крыса взялась?

– Была доставлена вместе с жертвой убийства с Невского проспекта.

У пристава вытянулось лицо: еще не хватало убийства на участок, нет уж, не надо такого счастья.

– Какого убийства, голубчик? Мне доложили, что у господина был сердечный приступ. Всего-то.

– Вас ввели в заблуждение, – отчеканил Ванзаров и раскрыл папку. – В протоколе ясно указаны причины, по которым произошедшее надо квалифицировать как убийство.

– Вы что, и дело уже завели? – упавшим голосом спросил Желудь. – Да зачем же? Да куда же так спешить? Ну к чему нам труп? Полежал бы как-нибудь, а вы сразу дело. Разве так можно… Эх, юность. Ну что теперь делать?

– Расследовать убийство.

– О господи! – плаксиво всхлипнул пристав. – Ну за что это мне все на старости лет? И кто будет заниматься, позвольте спросить?

– Если прикажете, я готов.

– Да уж, конечно, прикажу, вы же у нас для особых поручений. А такой случай – куда особее.

– Слушаюсь. Разрешите выполнять?

– Вот и выполняйте теперь… А может, обойдемся без дела? Так, потихоньку?

– Никак невозможно. Убийца не только совершил дерзкое убийство, но также оставил специальный знак. Это отражено в протоколе осмотра. Изволите взглянуть?

– Революционеры? – с ужасом спросил Желудь.

– Никак нет. Предполагаю убийство по страсти. Семейная неверность или что-то в этом роде.

– И на том спасибо… И в такую жару подарочек… Вы уж, голубчик, в следующий раз имейте терпение, незачем вот так сразу дело открывать. Подумайте, взвесьте, со мной посоветуйтесь.

– Слушаюсь.

– И прошу вас, потише, без лишнего шума. Договорились?

Ванзаров согласился в следующий раз обязательно закрыть глаза на нарушение закона. Но Савелий Игнатьевич не поверил. Насквозь видел этого юнца: так и норовит на его плечах сделать карьеру. Попрыгает у них в участке, взбаламутит все, а потом преспокойно убежит в министерство за славой и орденами. А пристав останется с кучей дел и нахлобучкой от начальства. Нет, надо поскорее избавляться от вертихвоста. Или помочь ему аккуратно сломать шею.

– И вот еще, голубчик, – тяжко вздохнул Желудь. – Тут у нас супруга известного адвоката. С этой публикой отношения портить нет резона. И так ее каплями отпаивали после вашей крысы. Так уж будьте добры, загладьте провинность.

– Каким образом?

– Ну, сходите с ней на квартиру к этой супруге дипломата, что ли. К несчастью, дом на нашем участке, пусть барышня успокоится. Да и прихватите парочку городовых. Наверняка женские страхи, но уважить надо. Только без шума…

Коллежский секретарь не стал разоблачать путаницу в женах юристов и дипломатов в голове пристава, но обязался исполнить поручение исключительно деликатно.

12

Дом на Малой Конюшенной улице выдавал владельцев квартир лучше любого сплетника. Новенький, пятиэтажный, с высокими окнами, выкрашенный белой и красной краской, весь блестящий и праздничный, он как бы говорил: здесь проживают те, кто не считает денег. Не дворец, но уже и не доходная многоэтажка, дом подчеркивал успех и принадлежность его жителей к высшей лиге среднего класса. Из которой в аристократы не допрыгнуть никогда.

Парадный облик здания не мешал дворнику Игнату Карповичу основательно страдать от жары. Архангельский мужик, крепкий, как ледяной утес, прибыв в Петербург на заработки и получив от свояков теплое местечко, никак не ожидал, что в Северной столице бывает такое лето. Зной растопил несгибаемого дворника, от зноя было одно спасение: сесть в тенечке, накрыть голову платком и поливаться водицей.

В который раз опрокинув на темечко струю из чайника, Игнат приметил сквозь уголки платка процессию во главе с дамой, красивой как куколка. Ради такого дела дворник не стал бы шевелиться. Но за ней следовал невысокий молодой господин, который отдавал короткие приказания двум городовым. А непосредственную власть Игнат уважал. Скинув мокрую тряпицу и разгладив волосы, дворник кинулся быть полезным. Все, что от него потребовалось, – разыскать местного столяра. Распоряжение отдавал юнец в штатском, но дворник выполнил не рассуждая.

Разыскав столяра Степку, спасавшегося у самовара от солнечного дня, Игнат чуть не пинками погнал земляка на второй этаж, где располагалась квартира адвоката. У двери находилась вся компания. Юнец, сняв шляпу, приложил ухо к створке. Игнат понял, что творится что-то неладное, и малость струхнул: если спросят, что делал да кто приходил в дом, – ничего не знает, не до того было.

Молодое благородие, как решил для себя Игнат, так ничего и не услышал и приказал ломать замок. Степка лениво поддел стамеской язычок и нажал – патентованный французский замок покорно отвалился. Игнату стало любопытно, что там творится, но городовой грубо отпихнул его, приказав оставаться на лестничной площадке.

В квартире было тихо. Только смутный шорох занавесок доносился из комнат. Екатерина стояла в прихожей, не решаясь идти дальше.

– Аврора! – позвала она жалобно. – Зина!

Никто не ответил.

– Ну что же вы медлите? Или мне самой?..

От пережитого страдания красота госпожи Делье несколько померкла и гонор явно поуменьшился.

Ванзаров отдал приказ городовому никого не пускать, хотя никто и не пытался проникнуть, собрался с духом и двинулся на разведку. На кафельном полу кухни лежала девушка в крахмальном фартуке и сером платьице, неудобно скрючившись, словно от боли в желудке. Голова покоилась в обширном пятне розоватой рвоты. Рядом были разбросаны осколки хрустального кувшина, перевернутый поднос, и разлилась огромная лужа воды. Видимо, боролась с внезапным приступом как могла. Стараясь не наследить, не вляпаться, Родион приблизился к телу и коснулся шейной вены. Кожа была холодна, пульса не слышно: горничная мертва не менее часа.

Из кухни нашелся другой выход в гостиную. В огромном холле, обставленном по последней моде, было чисто и тихо. На столе теснились букеты цветов и раскрытые коробочки подарков. В дальнем конце гостиной виднелась полуоткрытая дверь супружеской спальни.

На застланную постель приник белокурый ангел. С Родионом опять случился приступ внезапной влюбленности. И было от чего. Барышня не старше двадцати пяти лет была чудо как хороша. Блондинка с вьющимися волосами способна разбить и не такое прочное сердце. К тому же разодета, как в журнале. Невозможно пройти мимо ее туалета: юбка-клош[2] из плиссированного голубого муслина отделана широкими атласными розовыми лентами, свободно спадавшими от кушака до подола юбки. Корсаж-блуз пошит из такого же голубого муслина и отделан как спереди, так и сзади тремя лентами, ниспадающими от воротника до пояса, где перехвачен таким же кушаком. Причем ленты, ниспадающие на юбку, как бы составляют их продолжение. Полукороткие пышные рукава-ballon – из розовой тафты, а высокий воротник – из муслина. Букет из живых цветов был приколот к корсажу. Туалет украшала лишь одна изящная деталь: крохотное зеркальце на золотой цепочке. Большая шляпа из золотистой соломы, отделанная белыми кружевами, розовыми атласными лентами и черными перьями, сброшена на пол.

Как истинный мужчина, Ванзаров понятия не имел, как называется наряд в целом и по деталям, но четко воспринял образ свежей прелести. В очаровании смущало неживое спокойствие барышни и видимое отсутствие дыхания. На всякий случай Родион потрогал пульс.

Екатерина Павловна тихо ждала в прихожей и по глазам юного чиновника постаралась угадать, что случилось. Это было несложно.

– Вам лучше пойти домой, – отчего-то смутившись, сказал Ванзаров.

– Она мертва?

Не было нужды придумывать утешения.

– А Зина?

Родион готовился к слезам, крикам, упрекам и всяческому отчаянию. Но случилось совсем иное. Госпожа Делье осталась спокойна, даже слишком спокойна. Ни единой слезинки или вздоха. Ни единого проявления женской слабости.

– Я знала, – чуть слышно сказала она и добавила: – Началось.

– Что началось, Екатерина Павловна?

– Что?.. Ах нет… Умоляю, займитесь обязанностями сыщика наконец, а не дурацкими расспросами… Надеюсь, теперь мне поверили?

– Вы сказали, что вам угрожает опасность.

– Да, конечно… Только прошу, поговорим после…

– В таком случае вынужден просить вас задержаться для снятия допроса.

[2] В конце книги любознательный читатель найдет крайне полезный краткий словарь с толкованиями необычных слов.

Делье покорно села на обувной комод платяной вешалки, занимавшей чуть не полстены прихожей.

Раздавая срочные приказы городовым, Ванзаров не испытывал сожаления или растерянности. Вовсе нет. В душе у него грохотал оркестр: такая удача! Целых два загадочных дела за один день. Действительно, что может быть лучше для будущего великого сыщика, чем обнаружить два трупа в закрытой квартире.

Чудо как хорошо!

13

Младший городовой Емельянов поступил в полицию недавно, а потому не растратил любопытства. Стоять в прихожей было душно и скучно. Так хотелось одним глазком поглядеть, как люди жить могут, не то что его угол, который снимал с тремя сослуживцами. Емельянов проверил, что входная дверь на запоре, на носочках приблизился к широкой белой створке, закрывавшей гостиную, и боязливо заглянул за нее. Роскошное богатство оглушило городового, деревенский парень вылупился, открыв рот. Представшая картина наглядно указала, в какой трясине пребывает жизнь самого Емельянова. И выбраться из нее не положено. Вот ведь господам счастье, живи и радуйся каждую минуту, так ведь нет: хозяйка померла и горничную погубила.

Ругнув горькую судьбину, городовой стал поглядывать на маневры, проводимые господами полицейскими. Смотреть-то было не на что. Один чиновник строчил в бумагах, поминутно оглядывая гостиную, другой, что помоложе и покоренастее, с важным видом ходил из угла в угол, словно присматривался и принюхивался, не хуже ищейки. Из кухни вышел дяденька с треногой, на которую был водружен ящик фотографического аппарата, и прошел в спальню, а из нее появился забавный господин в роскошном костюме, от которого чем-то жутко несло. Он заметил Емельянова и грозно нахмурился. Городовой немедленно скрылся.

Руки в резиновых перчатках до локтя Лебедев держал на весу, словно решил сдаваться в плен.

– Нет от вас, Ванзаров, покоя, вторую работенку за день подкинули! – сказал он, хитро подмигнув. – Представляю, как пристав будет рад еще двум трупам.

Родион отчаянно пытался думать и не упустить какую-нибудь важную деталь, а потому пропустил мимо ушей.

– Нашли причину смерти Грановской?

– Не надейтесь, ничего выдающегося, никаких шильев в сердце. Тривиальное отравление, скорее всего – синильная кислота. Божественный яд в некотором роде.

– Почему?

– Потому что у нее кровь алая. Горничную ухайдакали тем же макаром. Сказать, как их заставили принять яд, или сами сообразите?

Задачка была слишком простой. На губах хозяйки помада слегка смазана, значит, что-то съела. Положение тела говорит о том, что женщина почувствовала слабость, легла отдохнуть и попросила принести воды. Горничная пошла на кухню и уже не вышла оттуда. Получается, что перед этим обе барышни съели что-то. На столе и на кухне нет следов пищи или напитков. Можно предположить, что коварный отравитель подчистил. Но это логически невозможно: тела жертв располагались бы совсем по-другому. На инсценировку не похоже, все выглядело совершенно естественно. Вывод: источник яда все еще здесь.

Родион шагнул к столу и уже протянул руку, чтобы открыть коробку конфет «Итальянские ночи» фабрики «Жорж Борман», но Лебедев его перехватил.

– Логика, коллега, не должна заменять собой осторожность, – сказал он и сам приподнял расписную крышку.

Среди ровного ряда шоколадного пралине с миндальным орешком и розочкой крема виднелись четыре пустых гнездышка.

– Правильно говорят: сладкое вредно для здоровья, – заключил Лебедев, осторожно беря перчаткой конфетку. – От него и помереть недолго, как видите… Хотя наверняка уточню после экспертизы… Ну рассказывайте, умник, как дело было.

– Конфеты – подарок на именины, – сказал Ванзаров. – Тут не надо логики. Убийца наверняка знал любимый сорт Грановской. Отправил гостинец. Подарок поставили на стол. Аврора открыла коробку и съела две конфеты. Ей стало плохо. Позвала горничную. Зинаида польстилась на сладкое и получила свою порцию яда. Нелепая смерть.

– Похоже, – согласился Аполлон Григорьевич. – Грановская умерла сразу, как только добралась до кровати. Бедняжка горничная, видно, сражалась с плохим самочувствием, нахлынувшим внезапно, и пыталась принести воды хозяйке. Нет чтоб кастрюлю молока выпить… Что ж, все ясно.

– Когда они умерли?

– Примерно часа два назад… Придется вам узнать, кто был здесь в это время.

– Я уже знаю, – уверенно сказал Родион.

Лебедев состроил недоверчивую гримасу:

– Обладаете даром провидения?

– Только логика. Вот смотрите… – Ванзаров указал на толпу букетов. – На столе пять букетов. Но подарков, включая конфеты, – шесть. На каждом букете визитная карточка. На коробке визитной карточки нет. Почему? Даритель не хотел афишировать свой подарок и даже не прислал цветов. Значит, горничная приняла коробку из рук незнакомого человека? Нет. Зинаида прекрасно знала, от кого подарок. Горничные отлично осведомлены обо всех секретах хозяек. Только убийца наверняка не сам пришел, а направил посыльного, велев передать, от кого.

– Почему с посыльным? Разве самому не надежнее?

– Он не мог быть уверен, что горничная тоже попробует конфет. Это риск разоблачения. А посыльным мог быть хоть первый встречный мальчишка.

– И кто же сообразительный убийца?

– Не женщина. Потому что женщина не будет дарить женщине конфеты на именины. Остается – мужчина. Кто может подарить любимый сорт конфет, то есть знает его не хуже мужа, и при этом не подарить цветов, чтобы не возникло лишних вопросов? Любовник. Больше некому. Или кто-то, кто прикрылся его именем. Такой сладкий подарок женщине может сделать только очень близкий мужчина. Интимно близкий. Как намек на их сладостные встречи…

Родион вовремя остановился. Его и так слегка занесло.

Криминалист помассировал мочку уха и совершенно искренно сказал:

– Да, юноша, вы далеко пойдете… Если, конечно, позволят. У нас ведь умных не слишком любят, сами знаете. Начальству тяжко видеть подчиненного проницательнее его, а сослуживцам умник – как кость в горле на фоне их лености и глупости… В общем, располагайте мной, как сочтете нужным…

Минута эта не была отмечена во всеобщей истории народов и не покрылась красным в календарях. Но ее стоит запомнить. В это мгновение родился союз логики и криминалистики, от которого еще предстояло поежиться не одному преступнику. Короче говоря, Лебедев принял Ванзарова как равного.

Ничего такого возвышенного Родион не испытал, но только поблагодарил скромно.

– Заметили в спальне ряд хрустальных флакончиков? – спросил Лебедев.

– Вроде бы… – замялся Ванзаров. Не хотелось признавать, что не обратил на них серьезного внимания. Мало ли какие снадобья требуются женщине, тем более блондинке, для поддержания неописуемой красоты.

– Сдается мне, что госпожа Грановская собрала неплохую коллекцию отравляющих веществ. Без фантазии, конечно, но для начинающего любителя – вполне достойно.

– У нее хранился яд? – поразился проницательный сыщик. Эта новость никак не вписывалась в стройную схему.

– Яды… Вас что-то смущает?

Родион попытался сжульничать, отвел взгляд и только теперь заметил в раскрытой коробке что-то постороннее: из-под слоя конфет торчал кончик серой бумаги. Не смея касаться, он попросил криминалиста использовать безопасные перчатки. Легким движением руки на свет был извлечен листок прямоугольной формы.

Лебедев рассматривал его с откровенным сомнением, а Ванзаров чуть не закричал от радости. Подарок судьбы выглядел как черная розочка, напечатанная типографской краской, и две полукруглые стрелки, нарисованные от руки, словно выходящие одна из другой.

– Понимаете, что это значит? – спросил Родион.

– Нет, – честно ответил Лебедев.

– А я знаю!

Аполлон Григорьевич воззрился на юношу с некоторым подобием священного ужаса:

– Ну, добивайте старика…

– Это значит, что убийство неизвестного на Невском и эти… связаны!

– О! Какое открытие! Я уж испугался, что вы не человек, а гений… Делать мне тут дольше нечего, поеду в лабораторию. Не забудьте про вечер, пороки ждут!..

И Лебедев преспокойно удалился, оставив Родиона со смутным чувством, что язык даже с хорошим человеком надо иногда держать за зубами.

Пытаясь найти хоть какой-то логический мостик между господином с шилом в сердце и женой адвоката, отравленной конфетами, Ванзаров собрал со стола визитные карточки. Их оказалось немного, за пышностью букетов казалось больше. Карточки были присланы от некоего «Др. Карсавин», от «А. И. Хомякова» и «П. Н. Хомяков», от «И. С. Делье» и от некой «Твоя М. Г.», написанной от руки. Из всех имен сомнения не вызывало одно: муж Екатерины Павловны, видимо, заехал перед службой с поздравлением. Итого визитеров было шесть, считая убийцу, плюс – госпожа Делье.

В подарках не было ничего особенного. Рядом с букетом от «Др. Карсавин» расположилась коробочка с изящной дамской самописной ручкой: змея обвивает виноградный жезл. «П. Н. Хомяков» подарил бронзовую фигурку лисы с колобком – настольная безделушка. «А. И. Хомякова» предпочла порадовать крохотной книжечкой в сафьяновом переплете с серебряным карандашиком – дамский дневничок. «И. С. Делье» преподнес в дар том «Политика России и Балканский вопрос», а «Твоя М. Г.» – хрустальный шар. Каждый подарок Родион повертел в руках и внимательно изучил. Но ничего не обнаружил.

От входной двери раздался звонок.

Ванзаров так решительно бросился в прихожую, что городовой Емельянов запутался в ногах и не успел вытянуться по стойке «смирно».

– Где дама, что здесь сидела? – спросил чиновник полиции.

– Ушла, ваше благородие…

– Да как же могла уйти?! Просил же присматривать за ней!

– Жалко ее стало, умаялась бедная. Просила передать, что примет вас около пяти вечера у себя дома, вот адрес… – городовой протянул записку.

Было ясно, что Емельянов сражен в самое сердце красотой Екатерины. Не имея желания разбираться с очередной служебной глупостью, Ванзаров распахнул дверь. В лицо ударил сильный запах роз, словно пролили флакон духов, а самая длинная ветка чуть не задела нос. За букетом скрывалась хрупкая девушка в голубом платье с пелеринкой, изящно накинутой

на плечи, и в чудной соломенной шляпке, украшенной живыми цветами с эгреткой из декоративных фруктов. С некоторым изумлением гостья воззрилась на Родиона.

– Вы кто? – спросила она.

– От кого букет? – деловым тоном осведомился Ванзаров.

– От мадам Живанши, разумеется… Аврора Евгеньевна принимает?

Галантный юноша распахнул дверь:

– Прошу!

Барышня вошла в прихожую, увидела городового, отшатнулась, но путь к отступлению был перекрыт. Она забилась в угол, защищаясь букетом, и с ужасом затараторила:

– Что такое? Почему? За что?

Пугать дальше хрупкое существо Ванзаров не посмел, представился как можно более официально и стал выяснять личность гостьи. Оказалось, девушку зовут Александра Ипатова, работает в салоне, ее послала мадам поздравить именинницу и постоянную клиентку. Она согласилась с радостью, потому что хотела повидать сестру, которая здесь трудится горничной. Бедняжка не представляла, какая новость ее ожидает.

Прежде чем вывалить на голову несчастной горькую правду, надо было прикинуть психологический портрет женщины. Характер можно назвать твердым, но сдержанным, не болтунья, серьезно относится к жизни и зарабатывает своим трудом. Барышня казалась умной, хорошо воспитанной и даже образованной, что не вязалось с ее натруженными пальцами.

Стараясь быть как можно более деликатным, Ванзаров сообщил, что Зинаида погибла в результате несчастного случая, по ошибке приняв яд. Полиция выражает соболезнования.

Букет выпал у девушки из рук и развалился на две части, от куста белых роз отделились нежные стебельки нарциссов. Закрыв лицо ладонями, Александра так и осталась сидеть без движения. Родион выждал, сколько смог, предложил стакан воды или успокоительные капли. Но девушка не ответила. Наконец, справившись с чувствами, открыла лицо, поразительно изменившееся. Простое и милое буквально минуту назад – оно почернело, под глазами легли тени. Свое горе барышня сдерживала так крепко, как пристало воспитанному человеку. Сердце сыщика трепетало от жалости, но волю ему не дали.

Спокойным тоном Александра спросила, когда сможет увидеть сестру. Пришлось объяснять, что сейчас это невозможно, подробно описывать печальную процедуру и даже рассказать, откуда придется забирать тело для погребения. На случай дополнительных вопросов был спрошен ее адрес. Ипатова снимала комнату в Коломне, почти по соседству. Предложение проводить с городовым или хоть посадить на извозчика было вежливо, но твердо отвергнуто. Александра лишь спросила, свободна ли она, и, не простившись, вышла. Цветы так и остались на ковре в прихожей. Горе настолько поглотило девушку, что она забыла об имениннице.

Бесполезный букет следовало отнести к подаркам. Родион подобрал обширный куст роз с нарциссами, но в этот момент во входной двери повернулся ключ и на пороге возник господин среднего роста в идеальном костюме с бутоньеркой в петлице.

Все дальнейшее напоминало сценку в пошлом водевильчике, когда муж возвращается в неурочный час и застает любовника при всем параде, да еще с цветами. Обнаружив незнакомого молодого человека с роскошным букетом наперевес, господин так поразился, что не заметил городового, жавшегося поодаль, и хорошо поставленным в суде голосом спросил:

– Кто вы? Что за мерзкий запах? И где горничная?

14

Не зря Антон Сергеевич слыл модным адвокатом. Его проницательный ум помог уже нескольким мерзавцам спастись от неповоротливого правосудия и сейчас сослужил добрую службу. Господин Грановский прекрасно понял, что за люди оккупировали его дом, и даже

полноватый юнец с букетом, пяливший на него темные глаза, не мог скрыть полицейский дух. Разум понимал, но остальное естество адвоката упорно не желало ничего знать, предпочитая оставаться в спасительном неведении. Не будем сильно порицать его. Ведь каждый из нас, хоть раз в неделю, испытывает подобное затруднение. И что же? Помогает это нам верить не в чудо, а в разум? Конечно, нет. Что поделать: в обмане всегда кроется надежда, хоть абсурдная. В правде – только печаль истины.

Грановский решительно требовал объяснений. Так решительно, что чиновник Редер, составлявший протокол, счел за лучшее переместиться в дальнюю комнату. Только Родион, как одинокий дуб, сносил ураган угроз, жалоб и заявлений о нарушении неприкосновенности жилища. Антон Сергеевич распалялся не на шутку, помянув именины жены, которые теперь испорчены окончательно, растоптанные законы, поруганную честь и прочие высокие материи, столь любимые адвокатами. Из чего Ванзаров сделал единственный вывод: господин решил, что полиция делает у него обыск по какому-то темному судебному делу. И был недалек от истины. Наконец, улучив паузу среди тирад, он быстро спросил:

– Что вы делаете здесь?

Грановский даже осел от такой неслыханной наглости.

– А вы как думаете? Действительно, что может делать честный человек у себя дома в обеденный перерыв? Боже, какой сложнейший вопрос для нашей полиции! Ну постарайтесь, напрягите свои извилины, если они у вас есть, что я могу делать здесь?

Удивительное свойство, которое недавно открыл в себе Родион, заключалось в том, что чем больше на него орали и угрожали, тем спокойнее и увереннее он становился. Очень полезное качество для сыщика. Вот если бы еще не падать сердцем при виде хорошенькой барышни, тогда был бы совсем не человек – кремень. Не будем о грустном.

Ванзаров премило улыбнулся:

– Каждый день дома обедаете? Или сегодня так вышло?

Это было уже слишком! Грановский демонстративно сложил руки и гордо замолчал. Жаль, что не мог он потребовать себе адвоката. Ладно-ладно, этот неоперившийся гаденыш еще узнает, что такое месть великого Грановского.

– Отчего не спрашиваете: «Где моя жена»?

И этот вопрос был проигнорирован. Пусть говорит что хочет, ему же потом будет хуже.

– Или надо сделать вывод: уже знаете, что она убита?

Грановскому показалось, что ослышался, и он дал слабину: переспросил. Ванзаров немедленно воспользовался ошибкой, вылив на несчастного мужа ушат ледяной воды. Мозг вынес холодный вердикт: «это правда», но чувства опять взяли верх. Антон Сергеевич стал кричать, и еще раз кричать, бегать по комнатам и наконец прорвался в спальню, откуда вышел притихшим, словно мышь. Играть в защитника закона и оскорбленную невинность больше ни к чему. Он присел к столу, подперев лоб сомкнутыми замком пальцами.

Дав клиенту дозреть, Ванзаров спросил:

– На горничную посмотреть не желаете?

– А с Зиной что случилось? – еле слышно спросил адвокат.

– Она на кухонном полу. Если любопытно…

Грановский мотнул головой, словно отгонял надоедливого слепня:

– Чудовищно…

– Я тоже так думаю. И жду от вас помощи.

– Да помилуйте, в чем?

Устроившись напротив так, чтобы свет из окна падал на лицо адвоката, Родион сказал:

– Не стану пугать вас арестом, не хуже меня законы знаете. Но вы также знаете, что если захочу, то за милую душу засуну вас на пару деньков в «сибирку», до выяснения обстоятельств, так сказать. Нужно ли такое пятно вашей репутации?

– Что вы хотите? – спросил Грановский сразу упавшим голосом.

– Только одно, Антон Сергеевич: найти убийцу вашей жены и кухарки.

– Хорошо, спрашивайте что угодно.

– Благодарю. – Ванзаров был искренним. – У вас счастливый брак?

– У нас очень счастливая семья… Была. Я любил Аврору, и она отвечала мне взаимностью. Родила мне двух чудесных детей, как хорошо, что они на даче. После успеха моей карьеры жена уже ни в чем не нуждалась, у нее было все, что может пожелать женщина ее положения. Да вы сами видите…

– Достаток – это не все. Каковы ваши личные отношения?

– Как у мужа с женой, проживших более пяти лет. Конечно, были ссоры, недомолвки, обиды, но теперь это все кажется такой мелочью…

– В котором часу ушли сегодня из дома?

– Как обычно, около девяти.

– Где находились?

– Сначала несколько деловых встреч, потом заехал в суд, вы можете проверить.

– Обязательно. Что подарили на именины?

– Небольшое колечко с брильянтом.

Действительно, на трюмо в спальне дожидалась бархатная коробочка и скромное колечко в пять-шесть месячных жалований коллежского секретаря. Все-таки в профессии адвоката есть свои приятные моменты, не то что у сыщиков.

Родион изобразил на лице глубокую задумчивость, даже подбородок помассировал, и наконец спросил:

– Хорошо знаете вкусы супруги?

– Конечно.

– Позвольте проверить. Какие конфеты она предпочитает?

Грановский не скрыл удивления, но ответил:

– «Итальянскую ночь».

– Когда последний раз их покупали?

– Кажется, в начале недели… Что за странный вопрос?

– Антон Сергеевич, вы обещали помогать…

– Да-да, конечно…

– Это ваша коробка?

С некоторым колебанием осмотрев жестянку с пастушками и буколическим пейзажем, адвокат не смог ответить определенно: сорт верный, но его ли коробка – неизвестно. Аврора их очень любила и поглощала не стесняясь.

– Кто мог подарить эту коробку?

– Да кто угодно, это же конфеты, – удивился Грановский. – Почему они вас так интересуют?

– Почему не спросили, как погибла ваша жена?

Вопрос поставил в тупик, но профессиональная сноровка выручила: Антон Сергеевич пояснил, что от горя плохо стал соображать. И только теперь хочет уточнить: как?

– Отравили при помощи этих конфет, – сказал Ванзаров. – Синильная кислота. Бедняжка умерла быстро и без мучений. Не то что горничная.

Грановского невольно передернуло:

– Так и думал, что этим кончится.

– Почему?

– Аврора последнее время стала интересоваться ядами, выспрашивала про судебные случаи, каждое утро письма какие-то отправляла…

– У нее на трюмо – набор отрав. Вам известно?

– Не имею привычки копаться в вещах жены, – с проснувшейся гордостью сообщил Грановский.

– У вашей жены был любовник?

– Насколько знаю – нет.

– Уверены?

– Кто может быть в этом уверен? Впрочем, вам не понять: не женаты…

– А конфеты кем могли быть присланы?

Антон Сергеевич выдержал взгляд чиновника полиции и сказал:

– Если бы я знал… – И вдруг добавил: – В последнее время был слишком занят. Мало уделял времени ей и семье. Теперь буду корить себя. Каюсь, замечал, что Аврора изменилась, но не придавал этому значения.

– Была какая-то причина?

– Она стала ходить на приемы к доктору Карсавину, это крупный специалист по нервным болезням, у него огромная практика и очень громкое имя. И берет далеко не всех пациентов. Нам понадобилась протекция.

Ванзаров протянул визитку левой рукой:

– Этот?

Грановский принял ее правой, глянул и сразу подтвердил: тот самый, держит кабинет на Фонтанке. Карточки «Хомякова», «Хомяков» и «Делье» он взял как правша и без запинки назвал адреса. А вот с «Твоя М. Г.» вышла заминка: адвокат не знал, от кого прислан букет. Родион уже собрался отпустить вдовца, сдавшего коварный экзамен, как вдруг заметил на левой руке скромное колечко со змейкой, кусающей свой хвост.

– Масонский знак носите? – наивным тоном спросил Ванзаров.

Грановский смутился, прикрыв ладонь, и быстро ответил:

– Это не масонское… Так, дружеский подарок…

Ложь, какой искусной ни была бы, оставляет на лице врущего отчетливые следы. Надо только уметь их правильно читать. Грановский не обладал счастливым даром, а чиновник полиции – в полной мере. Но сейчас Ванзаров не стал тянуть за эту ниточку. Еще не известно, куда она может привести, а дергать опасно – вдруг оборвется.

Грановский вдруг принюхался, неподражаемая сигарка еще давала о себе знать:

– Позвольте, чем так дом провонял?

Не собираясь вступать в объяснения, будущий великий сыщик встал, солидно оправив сюртук, и сказал:

– Проводилась криминалистическая экспертиза… Вынужден напомнить, что на данный момент основным подозреваемым являетесь вы. Попрошу не покидать Петербург без моего согласия.

Чиновник полиции оставил адвоката заниматься приемом санитарной кареты и прочими малоприятными хлопотами в глубоком смятении чувств.

15

Откуда же у юного Ванзарова взялось столько хитрости и ловкости, чтобы устраивать ловушки и вообще вести себя как заправский сыщик? Пора признаться – есть в этом некоторая тайна. Приблизимся к ее разгадке.

Как ни странно, во всей безбрежной империи не было даже завалящего курса, на котором обучали бы господ, принимаемых в полицию, премудростям ведения допросов и тому подобному. Чиновник, претендуя на место, должен был сдать письменный экзамен, после которого считался годным к полицейской службе. Знания добывались только опытом, помноженным

на ошибки и нераскрытые преступления. Самородки типа Путилина встречались, как золотой самородок – один на горы руды.

Юный чиновник Ванзаров по всем статьям не мог обладать столь изощренным опытом. Однако обладал. Конечно, главная причина – природный талант. Но не только. Рискнем высказать дерзкое суждение: своей психологической ловкостью Ванзаров был обязан… образованию. Глубокое знание греческих классиков, которые досконально препарировали человеческую природу, оказалось неоценимым подспорьем для сыщика. Характеры, привычки, слабости, подлость, ложь и само зло вовсе не изменились с древних времен. Люди как были, так и остались во многом дурны и лишь в редком благородны. Все развитие человечества, которым так гордились просветители и голодные студенты, свелось к ухудшению и без того шатких моральных качеств. Чтобы не случилось окончательного раздрая, требовались все более жесткие обручи социальных правил. А потому на современную хитрость, залезшую на постамент прогресса, хватало простоты древних философов. Один Сократ уличил бы больше жуликов, чем все приставы столицы. Поступив на полицейскую службу, Родион вывел для себя простую формулу раскрытия любого подозреваемого: логика – все, психология – остальное. Ну и природный талант, конечно, помогал импровизировать.

Между тем Ванзаров занялся обязательными, но бесполезными делами. А именно: допросом дворника и посещением конфетного магазина. Игнат, напуганный появлением санитарной кареты, полиции и прочим, трясся за свое место, а потому готов был присягнуть, что никого не видел и ничего не слышал, хотя весь день стоял на посту как штык. Добиться от него, кто и в каком часу принес коробку конфет, было невозможно. В самом же заведении «Жорж Борман» ни приказчики, ни управляющий не посылали в дом на Малой Конюшенной никаких посыльных. «Итальянской ночи» за час уходит штуки три, сорт популярный, дамы любят. Концов не найти. Коробку мог купить кто угодно.

Не заходя в участок, где ничего хорошего, кроме стонов пристава, не ожидало, Родион отправился прямиком на Фонтанку. На указанном доме вывески, что здесь принимает великий доктор нервных болезней, не оказалось. Не было ее и на двери квартиры. Лишь скромная бронзовая табличка с фамилией. Видимо, так знаменит, что в лишней рекламе не нуждался.

После двукратного накручивания звонка дверь приоткрыл молодой человек строгого вида и осведомился, нагловато глядя сквозь пенсне, что угодно. Родион сказал, что ему нужен доктор Карсавин. Его спросили, записан ли он предварительно на прием. Незваным гостям здесь не были рады.

– Полиция… – сказал Ванзаров, протискиваясь мимо мрачного секретаря. Но прыткий господин опередил и скрылся за дубовой дверью, охранявшей покой знаменитости.

Родион еще только примеривался, как войти: постучать или решительно ворваться, как створка распахнулась, пропуская величественную фигуру в халате.

– Ну сколько можно! – закричало медицинское светило довольно высоким голоском. – Да оставите вы меня в покое или нет? Я буду жаловаться губернатору, так и знайте!

– Позвольте… – только и выдавил смятенный чиновник.

Но ему не позволили. Господин продолжал на тех же оборотах:

– Какое бесстыдство! Это тирания! Прямой деспотизм! Велосипед отобрали – вам мало? Как будто других дел у полиции нет. Посмел, видите ли, проехать по Невскому без какой-то бумажки! Экое преступление… Может, в тюрьму за это отправите? Что вы хотите?

Не надо знать греческих философов, чтобы определить причину бешенства: у господина остался неизгладимый след от общения с чиновниками участка. Родион постарался, как мог нежно, загладить живейшее впечатление от полиции.

– Да на кой мне сдался ваш велосипед? – крикнул он. – Я вообще из сыскной полиции. Мы велосипеды не отбираем.

Господин Карсавин, что уж тут скрывать – это был он, затих и пригляделся к гостю. Молодой человек выглядел несколько более упитанным, чем должно в его возрасте, намечалось легкое искривление позвоночника, недостаточное занятие спортом возмещалось отменным здоровьем, а черты интеллекта ясно проступали на физиономии. Вполне добродушной, несмотря на напускную строгость.

Юный чиновник не остался в долгу, составив мгновенный портрет доктора: высок, крепок, чрезвычайно умен и, возможно, скрытен; лицо несколько вытянутое книзу, аккуратная бородка вокруг рта, прямой нос, поднятый вихор, золотое пенсне на шнурке, никаких украшений – ни перстней, ни даже булавки в галстуке. И удивительный взгляд – печальный, как будто проникающий в самую душу. Такой и должен выработаться у хорошего доктора за сорок лет. Чем-то напоминал он модного литератора, писавшего забавные фельетоны, а нынче принявшегося за драматургию.

Дуэль взглядов окончилась без жертв, противники оценили друг друга и пошли на мировую. Ванзаров представился, как полагается вежливому чиновнику полиции.

– Какое же у вас дело, Родион Георгиевич? – почти ласково осведомился Карсавин.

– В связи с одной из ваших пациенток.

– У меня их много.

– Госпожа Грановская.

Издав неопределенно мычащий звук, доктор сказал:

– Какое совпадение… Но вы же понимаете, я связан врачебной тайной.

– Понимаю, развязывать не станем. Так, пару общих вопросов.

То ли обаяние юного чиновника подействовало, или по какой иной причине, но Ванзаров получил приглашение в кабинет.

Рабочее гнездышко мэтра нервных болезней лучилось скромной роскошью: просторная дубовая мебель, резные дубовые пластины на стенах и даже наборный дубовый потолок в стиле поздней готики внушали доверие. Повсюду развешаны фотографии с видами Европы и, что любопытно, разнообразных моделей велосипедов. Осматривая величественный антураж, Родион невольно спросил:

– Сколько берете за прием?

– Двадцать пять рублей, – скромно ответили ему.

Это было неслыханно. Просто чудовищно. Если самый жадный доктор столицы требовал за визит червонец – считалось дерзостью. А тут… Ясно, что с улицы сюда не попадают.

Незаметно сменив халат на пиджак, Карсавин устроился за приемным столом и наблюдал за юношей с явно профессиональным интересом.

– Так что могу рассказать об Авроре Евгеньевне? – напомнил он.

– Все, что не покрыто врачебной тайной, – ответил Родион, не в силах отвести глаз от початой коробки «Итальянской ночи» на письменном столе.

– Ко мне приходят очень состоятельные люди, которые не могут справиться со своими сугубо личными проблемами. Я не прописываю им таблеток, процедур или поездки на воды. Я предлагаю изменить их образ жизни. Многие беды человека возникают, как ни странно, от избытка и достатка. И с этим приходится бороться. Грановская не была исключением. Пожалуй, на этом все.

– Вы послали ей сегодня букет?

– Да, отвез с утра пораньше.

– Зачем?

– Какой странный вопрос, Родион Георгиевич. В моем деле надо не только уметь лечить пациентов, но и поддерживать светские приличия. У Авроры Евгеньевны сегодня именины, я не могу быть приглашен официально, как вы понимаете. Но почему бы не сделать приятное женщине, которая столько платит?

– Что-нибудь еще подарили?

– Милую безделушку: письменную принадлежность.

Карсавин источал спокойствие и уверенность. За которыми могло скрываться что угодно. Родион испробовал лобовой таран:

– Госпожа Грановская умерла. Вернее – была убита.

– Вот как? – только и спросил доктор, словно эта новость ничуть не удивила, и даже съел шоколадную конфетку.

Редкое хладнокровие. Утром дарить цветы, а днем узнать, что женщина мертва, и при этом бровью не повести – не каждый сможет. Как будто заранее был готов.

– Что вы делали в это время?

– В какое?

– Между полуднем и часом дня, – нехотя уточнил Ванзаров.

– Сидел в участке под арестом.

– В котором часу были у нее?

– У Грановской? Кажется, около десяти.

– Отменим врачебную тайну по причине насильственной смерти пациентки…

– Только под пыткой. С дыбой и раскаленной кочергой обращаться умеете?

Такого скользкого и бесполезного допроса Родиону вести еще не доводилось. Противник явно превосходил его на голову, уворачивался от детских ловушек, раскусывал хитрости, а в глубине души, наверно, потешался над глупым полицейским. Остался последний способ.

– Аврора Евгеньевна рассказывала о своем любовнике? – спросил Ванзаров.

– Она завела его по моему настоянию.

– Назовите имя.

– Понятия не имею, кто он. – Карсавин легкомысленно отмахнулся и покусился на следующую конфету в коробке, отчего стал причмокивать. – Конкретный персонаж… а также их количество… меня не интересует… Аврора имела право менять их хоть каждый день.

– Вы предложили замужней даме изменить мужу. И это называется лечение?

– Часть лечения…

– То есть совратили честную женщину?

Владимир Симонович широко улыбнулся:

– Молодой человек, вам еще рано рассуждать об изменах и совращениях, пока сами через это не прошли. Не так ли?

Железная воля будущего великого сыщика остудила щеки и не дала румянцу предательски выскочить наружу. Родион перевел дух, чувствуя, что как раз в такой непринужденной беседе начинает закипать, и спросил:

– Стало быть, проповедуете свободу нравов?

– Я ничего не проповедую, я помогаю больным людям, – довольно жестко парировал Карсавин. – И пусть со стороны кажется, что они здоровы и счастливы, но только в этом кабинете, скрытом от посторонних глаз, открывается подчас такая правда, о которой даже ваша проницательность представления не имеет.

– Так просветите. Мне как раз надо набираться опыта…

Юного чиновника одарили покровительственной улыбкой.

– Так и быть, потрачу на вас мое драгоценное время. Пусть это будет вторая бесплатная консультация в моей практике… Вам предстоит работать с множеством людей и будет полезно знать маленький секрет. За внешним благополучием и умиротворенностью могут скрываться чудовищные желания. Общество заставляет давить их глубоко в сердце, но они никуда не деваются. Человек, живя внешне добропорядочной жизнью, в душе совершает ужасные поступки. Эта болезнь особо мучительно протекает у женщин, а у счастливых супруг, да еще с любящим мужем и выводком детей, – в тяжкой форме. Ад – душа женщины. В каждой домохозяйке

дремлет хищник. Человеческая природа никак не улучшилась, человек был и остался зверем. Чтобы его выпустить, чтобы не дать разодрать душу изнутри, требуется лечение. Многие занимаются самолечением, пока не приходят ко мне.

– Не любите вы своих коллег, доктор…

– Они-то как раз безобидны. Хуже, когда за лечение берутся откровенные шарлатаны, например мадам Гильотон. Слышали? Очень рад за вас. Эта барышня выдает себя за сомнамбулистку, вещает что-то в трансе, с духами советуется, возбуждает астральные энергии и тому подобное, а на самом деле – дурит голову. Чистая мерзость с точки зрения науки. Представляете, что происходит с больным после подобных сеансов?

– Чем же вы их исцеляете?

– Я не лечу, а помогаю стать собой, не нарушая законов общества. Я помогаю им стать самими собой. Понимаете? Пациентам вручаю один волшебный предмет… – Карсавин вынул из стола круглое зеркальце в золоченой оправе на крохотной цепочке. – Чтобы смотрелись в него и нашли исцеление в себе. В остальном моя задача сводится к тому, чтобы тщательно наблюдать за изменениями в их жизни, это одно непременное условие. Я достаточно ясно выразился?

Поняв намек, как мог, Ванзаров поднялся:

– Что же увидела Аврора Грановская в своем зеркальце?

Взгляд Карсавина затуманился на мгновение, облачко исчезло, и он сказал:

– Этого мы никогда не узнаем.

– Зато точно известно, что после ваших сеансов Грановская стала интересоваться ядами и случаями отравления.

– Вот как? – равнодушно спросил доктор. – Ничего подобного я ей не советовал. Следует понимать: мое лечение – психологическая терапия. Ничего больше.

– Видимо, лечение не пошло на пользу.

– Как знать, быть может, она умерла счастливой… Ну а я всегда к вашим услугам. Обращайтесь, если что, напрямик. Отныне вам рекомендации не нужны.

Ну вот и Ванзарова оценили на предмет сумасшествия. Ох уж эти лекари, так и норовят вылечить кого ни попадя любой ценой. Обычно – немалой.

На жарком ветерке набережной реки Фонтанки Родион осознал, что его провели как щенка. Мудрый доктор, обожающий шоколадные конфетки, не сказал и десятой части того, что знает. Но все же засчитать юному чиновнику полиции чистое фиаско было нельзя. Ванзаров не столько понял, сколько ухватил интуицией, что знаток нервов нарочно или случайно проговорился и сказал нечто важное. Быть может, неоценимо важное. Схитрил эскулап отчаянно: показал темную, наглухо закрытую шкатулку, в которой хранится бесценный секрет, а ключик – утаил. Придется искать.

16

Наследник мясной лавки юноша Петя Горбушин пребывал в раздвоенных чувствах. С одной стороны, душа его парила в облаках восторга, а с другой – погрузилась в омут уныния. Причина такой странности была до удивления банальна: Петя вчера сделал предложение дочке купца Акиньшина, за которой давали двадцать тысяч приданого. По любви, надо сказать, сделал. Но вот сегодня, переваривая маменькин завтрак, образованный юноша лег на диван и перечел «Женитьбу» Гоголя. И разные мысли забродили у него в голове. Чтобы разогнать их, отправился на Невский проспект и оказался вблизи модного салона женского платья. Он стал воображать, как станет баловать молодую жену нарядами, как они выйдут в свет… Внезапно Петя вынырнул из мира фантазий и уставился на витрину. За чистым стеклом на него хищно уставились волосатые монстры. Чудовищно скрюченные руки словно тяну-

лись к нему, размалеванные глаза так и гипнотизировали, а губы, раскрашенные свежей кровью, казалось, мечтали насытиться его телом. Фигуры монстров драпировали куски вычурных материй, с шей свешивались бусы. Ужас объял Петю. Лихорадочно оглянувшись, он заметил полноватого юношу примерно одного с ним возраста, который печально ждал кого-то на жаре. Судя по виду, это был такой же страдалец, давший слово жениться. Ужаснувшись тому, что совершил, Петя схватился за голову и бросился прочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.